

Г. А. Левинтон

ЗАПОЗДАЛЫЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ*

Ваше Величество! Третий день пьем Ваше здоровье.
(Из исторического анекдота)

Уж лучше Шпет, чем никогда.
(Из «гимна» Института истории искусств)

Предлагаемая вниманию читателя серия статей объединяется одним — «генетическим» — признаком: все они имеют адресата, все они были написаны (или, чаще, только начаты и не дописаны) для какого-нибудь Festschrift'a, в ознаменование чьего-то юбилея. Я прошу поверить мне, что здесь нет подтасовок — статей, которые я *хотел бы* написать и посвятить такому-то — задним числом. Все эти работы, и именно эти, я писал для соответствующих сборников (и был в эти сборники приглашен), но вовремя не закончил¹. Однако те чувства, которые побуждали меня принять приглашение и пытаться что-то написать, не обязательно проходят вместе с круглой датой, которую уместно отметить сборником или посвящением статьи. В то же время и сами статьи, даже в запоздало-законченном виде, я уже не могу воспринимать как свою безраздельную собственность; имя адресата уже вписано в них, даже если этого никто, кроме меня, не знает. Эти сообщения и побудили меня опубликовать эти работы в виде цикла запоздалых поздравлений, сохранив посвящения, адресацию и поздравительную функцию.

* Статья публикуется в авторской редакции. — *Примеч. ред.*

¹ Особняком стоят две первые статьи, одна из них была написана полностью, но в то время не увидела света, вторая предназначалась не для сборника, а для журнала (но изначально была задумана с посвящением).

1. ТЕКСТ И СЛОВАРЬ
(филологические заметки)
К пятидесятилетию В. Н. Топорова

А тот, кого учителем считаю².

Первая статья настоящего цикла была написана в 1978–79 г. к юбилею В. Н. Топорова для посвященного ему номера журнала *Slavica Hierosolymitana* (vol. V–VI, 1981). Сейчас уже нет смысла рассказывать, почему она не вышла в этом томе (с одним из редакторов, например, мы оставались в ссоре в течение, кажется, семнадцати лет). Разумеется, многое в этой работе устарело, причем двояко: некоторые вещи явно и безнадежно «не носят» (для меня это скорее аргумент в пользу их публикации), некоторые, как говорят мне лингвисты, стали самоочевидными (один коллега, прочитав эту статью три-четыре года назад, сказал: «Не знаю, как насчет фольклористики, но с точки зрения лингвистики тут ничего нового нет»).

Между тем, для дальнейшей моей работы эта статья была необходима, и невозможность напечатать ее (см. выше во вступительной заметке) тормозила другие задуманные и начатые исследования. Именно на этой основе был построен проект «Словарь как инструмент анализа текста», который я начал осуществлять в Университете штата Калифорния в Лос-Анджелесе (UCLA) в 1994–95 гг. по гранту фонда Фулбрайта³. Дополнения, включенные мною в статью, взяты из работ, написанных в рамках этого проекта.

Какие-то мотивы статьи, в основном разделов II и IV, вошли в видоизмененном виде в другие работы (см. ниже сноски 4, 10, 13, 15, 45 и 81), но, как мне представляется, не отменили ее. Я постарался как можно меньше вмешиваться в старый текст и четко отделить все новые вставки. Все дополнения 2001–2003 годов поставлены в двойные квадратные скобки [[]], в них, как и в этой преамбуле, я позволил себе перейти на единственное число первого лица. Тем не менее, два раздела пришлось исключить: небольшие заметки о Мандельштаме слишком устарели, а специальный раздел о Достоевском (без которого, несомненно, не могла обойтись юбилейная статья) разросся в самостоятельную работу, напечатанную уже трижды⁴. Таким образом, несколько уменьшилась та «разнородность» заметок, которая упоминается в начале раздела I.

² Ср. «я ищю в Вас “учителя” и жду формул деятельности, которым я поверю не из каких-нибудь соображений (хотя бы и высшего порядка), а вполне инстинктивно». (Н. Гумилев. Письмо к В. Брюсову от 15 июня 1908 г. — В. Брюсов. Переписка с Н. Гумилевым. Вст. ст. и комм. Р. Д. Тименчика и Р. Л. Щербакова // Литературное наследство, т. 98, кн. 2, М., 1994, с. 479).

³ Fulbright Foundation Research Grant, 1994, № 18966.

⁴ Достоевский и «низкие» жанры фольклора // Wiener Slavistischer Almanach, Bd. 9, 1982, SS. 63–82; То же // Литературное обозрение, 1991, № 11, с. 46–53; То же // Анти-

Вступительная «поздравительная» заметка была, естественно, написана на материале работ юбиляра не позднее 1978 г. Я не пытался или почти не пытался «продолжить» эту тему во времени и дополнить примеры более новыми работами. Это не означает, что новые работы хуже прежних или что я их меньше знаю, просто невозможно вернуть это ощущение ученичества (слово, прямо связанное с цеховыми ассоциациями), остроту восприятия, «вчитывание» в работы учителя и напряженное ожидание новых. Первоначально она была вовсе лишена ссылок — подразумевалось (и, кажется, бессознательно), что тот, кто станет это читать, должен достаточно хорошо ориентироваться в работах юбиляра. Сейчас я частично восполнил этот пробел, но не пытался из чистого педантизма восстановить всю пропущенную библиографию⁵.

I

Эти разнородные заметки, которые мы решаемся посвятить В. Н. Топорову, объединены именно своей филологичностью, в том смысле, который, как нам кажется, вытекает из его работ. Поэтому мы позволили себе предварить их некоторыми замечаниями о методе и о работах адресата. Это ни в коей мере не попытка оценки его труда, но лишь замечания, призванные подчеркнуть те стороны, на которые мы пытались ориентироваться в последующем тексте.

В последнее время [[1970-е гг.]] неоднократно говорилось о том, что семиотика на новом этапе восстанавливает традиционное единство филологических наук, хотя, может быть, правильнее было бы говорить о науках гуманитарных, т. е. если философские или исторические тексты еще могут быть отнесены к области филологии (для востоковедческой и классической традиции это очевидно), то такие невербальные тексты, как ритуал или чисто этнографические факты (в частности, артефакты), связаны с филологией через другое традиционное единство — фольклористическое. Уже из этой оговорки видно, что базовые понятия знака и текста, вообще говоря, выходят (или выводят) за пределы филологии. Работы В. Н. Топорова в этом смысле отличаются как раз тем, что в них восстанавливается единство филологии в более точном (этимологическом) смысле, т. е. основной единицей в этих работах становится **слово**.

Именно в этом понятии смыкаются лингвистические и поэтические исследования В. Н. Топорова, причем из лингвистических мы имеем в виду прежде всего работы по этимологии. Так же, как текст, более после-

мир русской культуры. Язык. Фольклор. Литература. М., 1996, с. 267–269; теперь появился перевод: Dostojevski i niski žanrovi folkloru // Erotsko u folkloru slovena. Prired. D. Ajdačić. Beograd, 2000, s. 550–577.

⁵ В какой-то мере необходимость в точных ссылках снимается наличием библиографии: А. М. Бушуй, Т. М. Судник, С. М. Толстая. Библиографический указатель по славянскому и общему языкознанию. Владимир Николаевич Топоров. Самарканд, 1989.

довательно, чем в других методах, понимается им как сочетание слов, так и слово в этимологическом исследовании осмысляется как часть текста (ср. роль понятия *контекст* в этимологических работах Бенвениста и в поэтике Тарановского, при всем их, естественном, различии). Предметом реконструкции оказывается целый фрагмент культуры, центром которого является воплощающее его слово. Еще яснее эта нерасчленимость лингвистики и поэтики — в работах по реконструкции текста, вплоть до вербальной реконструкции целого текста заговора⁶. Важно оговорить, что это текст, сводящийся к соположению слов и ориентированный — по функции — на довольно жесткую их закрепленность⁷. В текстах другого типа, с развитым сюжетом и большей варьируемостью словесного воплощения, реконструкция ведется либо по небольшим фрагментам — не более словосочетания, — либо в виде метаязыковой записи (ср., например, формулу морфологии сказки в контексте праславянской реконструкции)⁸ или в виде раскрытия семантических связей ключевого слова (скажем, мифологического имени), «снимающего» сюжет мифа. Показателен в этом отношении интерес В. Н. к жанру баллады, где действуют два механизма: «песенный» и «сюжетный»⁹, на операциональном уровне это проявляется, в частности, в том, что в работе представлены систематическое описание лексического состава баллады, а затем формализованная запись ее сюжета. Это случай разделения слова и сюжета, которые в других — крайних — случаях не противопоставлены, т. е. противопоставление снимается в том, что сюжет сводится к соотношению слов, как в за-

Частично последующие работы, во всяком случае, книги, названы в: Т. М. Николаева. Академик Владимир Николаевич Топоров (к 70-летию со дня рождения) // Изв РАН. Серия лит. и яз., т. 57, 1998, № 4, с. 78–80.

⁶ К реконструкции индоевропейского ритуала и ритуально-поэтических формул (на материале заговоров) // Труды по знаковым системам. IV. Тарту, 1969, с. 9–43. Эта статья завершает традицию исследования, начатую, на русской почве, работой Буслаева «О сродстве одного русского заклятия с немецким, относящимся к эпохе языческой» (Ф. И. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861, т. 1: Русская народная поэзия, с. 250–256).

⁷ Ср. сходные явления на других уровнях, когда тексты, связанные с некоторой темой, например, мировым деревом, обнаруживают определенную структуру — в данном случае вопросно-ответную (в свою очередь возводимую к экстралингвистическому тексту — или тексту с несколькими кодами, — который с точки зрения текста языкового рассматривается как контекст и денотат). Ср. похожую вопросно-ответную структуру, выявленную в «Царе Эдипе» (О структуре «Царя Эдипа» Софокла // Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста. М., 1977, с. 214–258).

⁸ Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров. К реконструкции праславянского текста // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1963, с. 113–117; ср. к этому: И. И. Ревзин. К общесемиотическому истолкованию трех постулатов Проппа (анализ сказки и теория связности текста) // Типологические исследования по фольклору. Сб. ст. памяти В. Я. Проппа. М., 1975, с. 87–88.

⁹ К анализу нескольких поэтических текстов (преимущественно на низших уровнях) // Poetics. Poetyka. Poetika. Warszawa, 1966, s. 78.

говоре, или же (на другом полюсе) он свертывается в слово, как в отношениях мифа и имени.

Этимология слова требует обращения к его контекстам, но точно так же и анализ текста требует этимологизирования его элементов (прежде всего лексических), поэтому всякое исследование слова в контексте имеет двустороннюю объяснительную силу. Причем, если этимологический комментарий к слову традиционен для древних филологий, то для новой литературы это подход, предполагающий совершенно особое понимание соотношения языка и поэзии. Дело в том, что, если слово становится основным элементом анализа, то меняются и возможности понимания текста. Если слово само по себе является (минимальным) текстом, то текст оказывается не только неисчерпаемым «вглубь» (состоящим из бесконечного множества различающихся по смыслу текстов), но получает возможность распространиться и «вширь», т. е. статус текста могут получать весьма обширные образования (в том числе и экстралингвистические), такие, например, как «Текст русской литературы» и т. д. вплоть до текста индоевропейской культурной традиции — главного или наиболее общего предмета занятий В. Н. Топорова. В его методе понятия *подтекста* и *контекста*, как они употребляются школой К. Ф. Тарановского, собственно, не противопоставлены, все зависит от того, как определен текст, подлежащий анализу. История литературы оказывается не цепочкой (литературных) фактов, а движением слов, историей языка, реализованного в непрерывном тексте — в том смысле едином, как едина речь в сосюрговской терминологии. Хочется в этой связи привести исходные положения Иннокентия Анненского, которыми он предваряет «Программу изучения языка и поэзии Пушкина»¹⁰:

- «1. Язык, как изображение духовной жизни народа, надо изучать в сфере его высшего проявления — поэзии.
2. Изучение языка поэта и поэзии нераздельны.
3. Пушкин является самым ярким выразителем *скрытых сил и способностей русской речи*».

Поэтому двусторонне верно утверждение о сохранении архаичных смыслов слова в поэтическом тексте: и для этимологии (контекст как аргумент), и для поэтики (этимологический смысл слова как компонент смысла текста). Последнее подразумевает память слова и о ближайшей своей истории (ср. понятие подтекста), и о самой давней. Па-

¹⁰ [[Тогда она еще не была опубликована, поэтому цитата имела больший смысл. Теперь см.: Г. Левинтон. Первая пушкин[истиче]ская работа И. Ф. Анненского («Программа для изучения языка и поэзии Пушкина»)//Сборник статей к 70-летию проф. Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992, с. 358–365; расширенный перевод: On the Prehistory of Modern Poetics in Russia: Innokenty Annensky's Program for the Study of Pushkin's Language and Poetry//Культурология. The Petersburg Journal of Cultural Studies, Vol. 1, 1993, No. 1, p. 109–122]].

мять языка может быть основным фактором, определяющим смысл текста, она несомненно сильнее (и достовернее) «памяти жанра» или «коллективного бессознательного» (наоборот, понятие архетипа наиболее интересно было бы толковать именно как память слова)¹¹. Показательно, что тема памяти стала одной из главных в акмеизме (особенно в его поздней филиации, прежде всего в «Поэме без героя»), более других систем осознавшем *отдельность* слова в поэзии¹². На материале акмеизма и был разработан метод *подтекстов*, и В. Н. Топоров развивает его, во-первых, в том отношении, что сопоставление может проводиться на уровне *отдельных слов*, во-вторых, в том, что сопоставления эти идут значительно дальше механизма работы подтекста и стремятся исследовать более далекие связи, для чего, в частности, необходимо отказаться от представления о единственности подтекста. Наоборот, собрав максимум аналогий, мы можем перейти от подтекста в узком смысле слова, как объяснения одного данного факта, к истории слов в истории поэзии¹³.

Все эти явления хорошо видны на примере работы о Достоевском¹⁴, где «Преступление и наказание» рассмотрено на фоне архаических моделей пространства; таким образом, выявление архетипических фактов литературы, отражений мифологических моделей сопровождается исследованием памяти слова (роль слов *угол*, *узость* — *ужас* в романе в связи с организацией пространства и с этимологическими связями этих слов)¹⁵. В этой работе впервые вводится понятие «Петербургского текста русской

¹¹ [[Коррективы к этому см.: Г. А. Левинтон. Фольклоризм и «мифологизм» в литературе // Литературный процесс и развитие русской культуры XVIII–XX вв. Тезисы конференции. Таллинн, 1985, с. 38–41]].

¹² Это вполне закономерно сочеталось с обратным явлением — осознанием семантических модификаций слова в поэтическом контексте, тема, эксплицированная Тыняновым, но упоминавшаяся уже Мандельштамом (едва ли нужно пояснять, что *слово* во всех этих рассуждениях употребляется именно в «лексическом» смысле, и этот термин только омонимичен соответствующему термину, скажем, у Бахтина).

¹³ Ср. некоторые из этих соображений в рец.: Г. А. Левинтон, Р. Д. Тименчик. Книга К. Ф. Тарановского о поэзии Мандельштама // Russian Literature. Vol. VI–2. 1978, с. 197–211 [[То же // К. Тарановский. О поэзии и поэтике. М., 2000, с. 404–416 — к сожалению, рецензия была перепечатана по журнальному тексту, а не по представленному нами варианту, где были исправлены некоторые неточности]].

¹⁴ О структуре романа Достоевского в связи с архаичными схемами мифологического мышления // Structure of Texts and Semiotics of Culture. Ed. by J. van der Eng and M. Grygar. The Hague; Paris, 1973, pp. 225–302. Неоднократно переводилась и перепечатывалась.

¹⁵ Эти мотивы находят параллели в «Подростке» (Т. В. Цивьян. О структуре времени и пространства в романе Достоевского «Подросток» // Russian Literature, vol. IV–2. 1976, p. 237–238), их глубинная архетипическая этимология согласуется с вероятным прямым фольклорным источником одного из таких примеров: «Эти две комнаты были точь-в-точь две канареечные клетки, <...> одна другой меньше». В свадебных песнях клетка с канарейкой нередко замыкает так называемое «ступенчатое сужение образов» (Б. [М.] Соколов. Экскурсы в область поэтики русского фольклора // Художественный

литературы», который мыслится не просто как группа произведений о Петербурге и не только как сохранение сознательно усваиваемой традиции (как это имеет место после романа А. Белого, определившего дальнейший непродолжительный этап петербургской литературы), но как единый текст с рядом нетривиальных особенностей, лишь частично определенных традицией, возникающий в некоем «промежутке» между авторами и их объектом — Петербургом и этим объектом в значительной мере обусловленный.

Сам метод анализа, ориентированный на описание отдельных лексических единиц и их контекстов, заставляющий вспомнить о термине «дешифровка», обуславливает совершенно новую степень корректности анализа и реконструкции модели мира описываемого текста. Статья строится как анализ поведения отдельных основных лексем, из соотношения которых вырисовываются основные характеристики мира романа Достоевского, в значительной мере совпадающие с гораздо более архаичными моделями. При этом в статье и в специальных приложениях, посвященных отдельным мотивам и словам, подробно прослеживается также употребление этих слов в других произведениях, входящих в «Петербургский текст» (Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Белый). Это представляет собой существенную инновацию и для поэтики, и для лингвистики: традиционная «история слова» приобретает новое измерение, и поскольку лингвистика практически описывает именно язык литературных текстов, превращение слова в мотив¹⁶ может рассматриваться и как лекси-

фольклор, [т.] I, М., 1926, с. 38–52), т. е. ряд «вложенных» друг в друга (или соседствующих в пространстве, но перечисленных в порядке уменьшения) докусов. Прямым фольклорным цитатам у Достоевского [[был]] посвящен 5-й раздел этой статьи [[См. выше, сноску 4. Что касается примера с канареечной клеткой, то конкретный текст, который здесь имеется в виду, теперь опубликован: Песни свадебные, писанные Григорием Лучниковым в январе 1869 г. Кудымкор. Публикация и примечания В. А. Лапина и Г. А. Левинтона // Русская народная песня. Неизвестные страницы музыкальной истории / Ред. И. И. Земцовский. СПб., 1995, с. 96–149, текст № 20, с. 140: «Подле реку, / Подле реку, / На крутом берегу, // На том берегу, / На желтом на песку, // На том на песку, / Во зеленом саду, // Во том во саду / Висит веточька, // На той ветке / Висит клеточка, // Во той клетке / Кинаренчька» (повторы строк, кроме первой, опущены). К таким концентрическим структурам (о которых также неоднократно писал В. Н., прежде всего, применительно к ритуальному пространству) — ср., помимо известных построений в сказке (кощеева смерть), заговоре и т. д., а также современных детских «страшилок» (несомненно, требующих более внятного жанрового определения), и такой нетривиальный пример (в котором можно допустить даже прямую связь с «птичьей» топикой), как *начальное* (как и в песне) предложение «Сивцева Вражка» Осоргина: «В беспредельности Вселенной, в Солнечной системе, на Земле, в России, в Москве, в *угловом* доме Сивцева Вражка, в своем кабинете, сидел в *кресле* ученый-орнитолог Иван Александрович» (М. Осоргин. Времена. Екатеринбург., 1992, с. 3)].

¹⁶ [[Этот вопрос тем более интересен, что ни в фольклористике, ни в литературоведении до сих пор нет согласия о том, что представляет собой сам мотив — в частности, и по своей синтагматической протяженности, т. е. с какой языковой единицей он должен был бы совпадать]].

кологическая проблема (т. е. значение ‘петербургский’ у слова *желтый*¹⁷ заслуживает не меньшего внимания, чем, например, значение ‘теплый цвет’). Если работы по исследованию подтекстов могут вести к созданию идиолектных словарей, в которых должны фигурировать глоссы типа: *простоволосый* у Мандельштама имеет значение ‘связанный с Овидием’; *черепаха* — ‘греческая лирика’, ‘Терпандр’, ‘Сафо’ — то работы этого типа ведут к созданию исторических словарей русской поэзии. [[Боюсь, что формулируемая здесь задача, все-таки, несмотря на обилие публикаций, не была решена группой Института русского языка, при всех ее многочисленных достижениях в ряде конкретных областей]].

Доведение единицы сопоставления до уровня одного слова дает и некоторые другие новые возможности, методологически сближающие опять-таки поэтику и лингвистику. Это прежде всего общая для работ по гидронимике и поэтике идея фронтального сопоставления больших массивов слов (эта идея, в сущности, и стала основной в нижеследующих «словарных» заметках). На этом построены, например, работы об Ахматовой, Жуковском, Блоке. Интересно, что этот принцип сопоставления целых пластов лексики еще более приближается к своему лингвистическому аналогу, когда речь заходит о разноязычных авторах. Подобные билингвические сопоставления колеблются от подробного анализа трансформации отдельных текстов (ср. статью о Батюшкове с ее каламбурным названием «“Источник” Батюшкова в связи с “Le Torrent” Парни»¹⁸, и общей проблематикой «иноязычности» Батюшкова, см. также примеры в статье о Жуковском, особенно цепочки, протягивающие иногда чисто фонетические ассоциации от Гете через Жуковского до Блока¹⁹ — ср. в той же статье анализ трансформации стих → проза, сопряженный с межъязыковой транспозицией в случае Батюшкова и Парни) до сопоставлений мотивов (Ахматова и Данте)²⁰ и действительно слоев лексики до уровня гетеронимов (прежде всего в статье об Ахматовой и Элиоте)²¹. В этой статье, как и в статье «Ахматова и

¹⁷ Об этом слове в фольклорных текстах см. ниже.

¹⁸ Труды по знаковым системам. IV. Тарту, 1969, с. 306–335. Ср. может быть: Б. И. Коплан. Французский источник некоторых «Нравоучительных басен» М. М. Хераскова // XVIII век. Сб. 2. Л.; М., 1939, с. 329–330: «приведем полностью басню Хераскова “Источник и Ручей” <...> и французский ее источник. Источник некогда с вершины гор стремился <...> Le Torrent et le Ruisseau <...>».

¹⁹ Из исследований в области поэтики Жуковского. IV. Блок — Жуковский: к проблеме реминисценций // Slavica Hierosolymitana. Vol. I. 1977, p. 78–101; К рецепции поэзии Жуковского в начале XX века: Блок — Жуковский: проблема реминисценций // Russian Literature, vol. V–4. 1977, p. 339–372.

²⁰ К отзывкам западноевропейской поэзии у Ахматовой (I. Данте) // Slavic Poetics: Essays in Honor of Kiril Taranovsky. The Hague; Paris, 1973, p. 467–475; (с М. Б. Мейлахом) Ахматова и Данте // IJSLP, vol. XII. 1972, p. 29–75.

²¹ К отзывкам западноевропейской поэзии у Ахматовой (II. Элиот) // IJSLP, vol. XVI, 1973, p. 157–176. В статье об Элиоте можно предполагать именно эту методологическую задачу сопоставления разноязычных текстов, соотносимую с описанной ниже типоло-

Блок»²², сделан еще один важный шаг в теории подтекстов: в ней соединены случаи доказуемых цитат и случаи, которые с большей вероятностью следует рассматривать как явления конвергентные, они объединяются в понятие «текстуальной переклички» («двух голосов перекличка»), причем в обоих случаях им приписывается сходная объяснительная сила²³. Таким образом вводится представление о параллелизме двух корпусов текстов и о сходном поведении в этом корпусе текстов некоторых слов, в данном случае — случае межъязыкового контакта — гетеронимов, причем сходство лишь частично объясняется прямым влиянием: «Отзвуки элиотовских идей в поэме не случайны, в том смысле, что в концепции времени, развиваемой Т. С. Элиотом <...> Ахматова **нашла много общего с тем, что постепенно вызревало в ее собственном творчестве** и было вполне осознанно и оформлено как нечто целостное к началу сороковых годов»²⁴. Тем самым случаи прямого цитирования Элиота одновременно фундируются в тексте Ахматовой параллелями

гической проблематикой этой работы. Возможно, поэтому в ней не упоминаются переводы из Элиота, сделанные в 1930-х гг. и напечатанные в «Антологии новой английской поэзии» (Вст. ст. М. Гутнера — Л., 1937). Позволим себе привести случаи, в которых русский перевод дает более близкие параллели к Ахматовскому тексту, нежели подлинник. У Ахматовой: «Только не эту, не эту, не эту...» ~ «Только не эта последняя встреча» (Антология, с. 353, «Полые люди», пер. И. Кашкина); «И глаза я поднять не посмела», «Только глаза поднимать не смей», «Глаза твои вижу во сне я» ~ «Глаза, что не смею встретить во сне, / В царстве смерти сна» (Антология, с. 353, там же; ср. в той же антологии (с. 249) перевод С. Мар из Йейтса: «Твои губы не встретят губ / Любимой даже во снах»). Параллели к другим стихам Ахматовой в переводах из Элиота: «Апрель <...> рождающий / Сирень из мертвой земли» (Антология, с. 350, «Бесплодная земля», пер. И. Романовича), ср. у Ахматовой: «И *кладбищем* пахнет *сирень*» и т. п.; «Какие корни здесь растут, какие ветви / На этой свалке мусора и камня» (Антология, с. 350) ~ «Когда б вы знали, из *какого сора* / *Растут* стихи...». В этом сюжете возникает также тема *языка* в поэзии (т. е., *mutatis mutandis*, «сообщения о коде» в смысле «Шифтеров» Якобсона), например, появление цитат из Элиота как знак английской темы — в связи с И. Берлином — или появление приведенного выше «Только не эту, не эту, не эту» рядом с именем Шекспира («Двадцать четвертую драму Шекспира»).

²² [[Тогда она еще не обрела размеров книги: Ахматова и Блок (к проблеме построения поэтического диалога: «блоковский» текст Ахматовой). Berkeley, 1981]].

²³ [[Хотелось бы пояснить, что в нынешнем научном контексте на фоне постструктуралистской вольности как раз недостает скорее четкого разграничения разных видов межтекстовых соотношений, но в 70-е годы, когда «метод подтекстов» был вновь, его еще плохо отличали от академических исследований «источников», и тогда, наоборот, положительную роль играло резкое расширение поля сопоставлений при менее пристальном внимании к специфике каждого частного случая — и даже к самому наличию разных типов отношений. Автор этой работы начинал как раз с разграничений, ср.: Г. А. Левинтон. К проблеме литературной цитации // Материалы XXVI научной студенческой конференции. Литературоведение. Лингвистика. Тарту, 1971, с. 52–54; Он же. Источники и подтексты романа «Смерть Вазир-Мухтара» // Тыняновский сборник. Третьи Тыняновские чтения. Рига, 1988, с. 7–15]].

²⁴ К отзвукам западноевропейской поэзии у Ахматовой (П. Элиот) // IJSLP, vol. XVI, p. 158–9.

к этим случаям из ее ранних стихов, причем речь идет часто о совпадении именно на уровне слов. Тот же прием мы находим в работе об Ахматовой и Блоке, где говорится, в частности, о «блоковском слое у ранней Ахматовой» (т. е. до стихов, посвященных Блоку); очевидна терминологическая близость этой формулировки к таким понятиям, употребляемым в топонимических работах В. Н. Топорова, как «балтийский слой в славянской гидронимии». Кстати говоря, такую лингвистическую проблематику тоже можно описать в категориях «памяти языка»: это относится и к проблеме субстрата (в том числе в топонимии), и к диахронии балто-славянских языковых отношений²⁵. Таким образом сближаются понятия типологии в лингвистике и в поэтике, причем здесь типологическое сходство (понятие, освобожденное от бремени детерминизма) становится не предметом констатации, а средством объяснения. Таким же образом сближаются лингвистическое и поэтическое понятие *текста* (ср. понятие «топонимического текста», введенное в работах В. Н. Топорова по топонимике)²⁶.

Все множество работ В. Н. Топорова выглядит как кусочки еще недостроенной мозаики — отсюда постоянное удивление читателей разнообразию их тематики. Между тем, при внимательном чтении, становится понятным, что это фрагменты единого описания чего-то, что назвать довольно трудно, в пределе — мира, понимаемого как семиотическое целое²⁷ (о различии семиотизированного и десемиотизированного, атеистического восприятия мира было написано в предисловии к книге «Славянские

²⁵ [[Цикл работ В. Н. о соотношениях балтийских и славянских языков (Категории времени и пространства и балтийское языкознание // Балто-славянские исследования. 1980, М., 1981 и др.), вызвавший даже печатный донос в «Правде», трактует их отношения как диахронические: балтийские языки как более архаичное состояние тех же славянских. Интересно, что первый (кажется) подход к этой проблематике, сделанный еще в 1950-е годы вместе с Вяч. Вс. Ивановым (К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков (IV Международный съезд славистов. Доклады) М., 1958), в сущности, представлял собой ответ (не противоречивший последующей диахронической трактовке) на концепцию Трубецкого, считавшего балто-славянское единство конвергентным явлением. Демонстрация непрерывного континуума славянских и балтийских диалектов аргументировала противоположное решение в соответствии с критериями (конвергентного vs. дивергентного развития), выдвинутыми самим же Трубецким]].

²⁶ Из области теоретической топонимике // ВЯ, 1962, № 4, с. 3–12; О некоторых проблемах изучения древнеиндийской топонимике // Топонимика Востока. М., 1962, с. 59–66; Некоторые соображения в связи с построением теоретической топонимике // Принципы топонимике. М., 1964, с. 3–32.

²⁷ [[«Такой именно дух имеет в виду Кант, говоря, что мы можем себе представить ум не дискурсивный, как наш, а интуитивный, который идет от синтетически общего, от созерцания целого, как такового, к частному, то есть от целого к частям» — Г. Гейне. Путевые картины. Ч. II. Северное море // Собр. соч. в 10 тт. М., 1957, т. 4, с. 89. Два забавных обстоятельства заслуживают упоминания: во-первых, Гейне цитирует Канта по статье Гете (см. комм. Н. Я. Берковского, там же, с. 465), во-вторых, он применяет это определение к Наполеону, уподобляясь в этом, скорее, Гегелю]].

языковые моделирующие семиотические системы»²⁸). Отсюда интерес к проблеме пространства, проявляющийся и в работах об организации пространства в живописи (прежде всего, в буддийских религиозных изображениях, а также в рисунках на кетских бубнах, но ср. и примеры из европейской живописи, например, в работах о мировом дереве) и о мифологической организации пространства²⁹ (работы о мировом дереве, к числу которых, кстати, относятся и связанные с предыдущей темой), и в лингвистических работах по топонимике и особенно о географическом распределении лингвистических (прежде всего фонологических) признаков³⁰ — тема, начатая еще Трубецким и Якобсоном в связи с (пространственной) проблемой языковых союзов, о которых В. Н. тоже много писал³¹. Мир понимается как текст и в своем пространственном аспекте, где эмпирическая аморфность карты упорядочена и иерархизирована топонимией (понятие *топонимического текста*), и в том, что он осмыслен в языке, ставящем в соответствие элементы многих подсистем (макро- и микрокосма, ландшафта, дома, посуды, одежды, тела)³², тем самым

²⁸ [[Позволю себе договорить то, что осталось невнятным в старом тексте: мозаика предполагает замысел, рисунок, контуры которого известны или хотя бы угадываются. В. Н. как-то сказал в разговоре, что знание (полнота знания), собственно, исключает (делает избыточными), с одной стороны, познание как процесс обретения знания, с другой — веру. Это, по существу, поэтический или «дедуктивный» подход (поэт пишет то, что уже существует, и его задача не «сочинить», а угадать или «расслышать»), тем интереснее констатировать, что в непосредственной близости от В. Н. можно указать пример, соизмеримый по значению и, как кажется, противоположный по направлению. Я имею в виду работы Вяч. Вс. Иванова (см. одно из последующих *запоздалых поздравлений*). Позволю себе предположить, что ему как раз свойственно индуктивное отношение к науке как целому, т. е. построение здания из отдельных кирпичей знания с не предсказуемым заранее результатом]].

²⁹ Это понятие становится ключевым и в метаязыке, например, *признаковое пространство* и т. п. [[Видимо, в обоих смыслах надо понимать это слово в названии книги: В. Н. Топоров. О мифопоэтическом пространстве. Pisa, 1994]].

³⁰ Например: Индоевропейские языки СССР // Языки народов СССР. т. 1. Индоевропейские языки. М., 1966, с. 31–35; Балтийские языки // Там же, с. 455–465; Предварительные материалы к описанию фонологических систем консонантизма дардских языков // Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. М., 1966, с. 172–192.

³¹ Несколько замечаний к фонологической характеристике центрально-азиатского языкового союза // *Simbolae linguisticae in honorem Georgii Kuryłowicz*. Wrocław et al., 1965, s. 322–330; О некоторых кетско-селькупских типологических параллелях // Вопросы структуры языка. М., 1964, с. 117–129; (совм. с Т. М. Судник и С. М. Толстой) К характеристике южной части балтийско-славянского языкового союза // Сов. славяноведение. 1967, № 2, с. 38–45; Заметки по лингвистической географии Енисея // Лингвотипологические исследования. Вып. I, М., 1973, с. 5–79; About the Phonological Typology of Burushasky // *Studies in General and Oriental Linguistics Presented to Shirō Hatori*. Tokyo, 1970, p. 632–647; Burushasky and Yeniseian Languages: Some Parallels // *Travaux linguistique de Prague*. 4. Praha, 1971, p. 107–125 и др.

³² [[В те годы этот последовательный «изоморфизм» (как сказали бы тогда), о котором я впервые услышал от В. Н., был совсем внове и произвел на меня и моих сверстников необыкновенно сильное впечатление (ср., например, работы А. К. Байбурина)].

вскрывая их структурное единство, — то же более последовательно происходит в мифологической организации пространства, где единицы большего порядка «снимаются» меньшими, вписанными в них и более ценными, образуя концентрическую систему, стремящуюся к центру мира.

Своеобразный «изоморфизм» или, по крайней мере, глубинная взаимосвязь описываемых систем и структуры их описания определяет широкое обращение к исследованию самых разнообразных способов описания мира: религии (не говоря уже, разумеется, о мифе и ритуале), истории, философии, в частности греческой и индийской, истории лингвистики (например, Панини), в особенности в их истоках, «началах». [[Речь идет и о самих способах описания/познания мира, и — для каждого из них — об их ранних, предпочтительно начальных этапах. Так, исследования протофилософии и сопоставления родственных явлений в индийской и греческой философии — в том числе и в индоевропейской перспективе — относятся к теме «начал» философии; между тем в ряде других работ встречается немало замечаний о философии XX века (проблемах, категориях или персонажах), среди которых хочу специально отметить предисловие к сборнику А. А. Мейера³³ (с удовольствием вспоминаю, что в то время мне пришлось служить посредником между конспираторами, подготовившими этот том, и В. Н. — по поручению моего покойного друга В. М. Борисова). Тема «начал» получила особое развитие, в тогдашних и последующих работах, в исследовании протоистории, протонауки, протопортрета, даже протоспорта³⁴, т. е. в прослеживании момента появления нового качества из некоего предшествующего состояния или вычленения из синкретического целого. Ср. также позднейшую книгу «Предыстория литературы у славян: Опыт реконструкции» (М., 1998)].

В самом широком смысле можно сказать, что работы В. Н. Топорова) затрагивают большинство существенных явлений, имевших место в языках и на языках индоевропейской традиции. Работы по поэтике и лингвистике образуют отдельные фрагменты синхронного (т. е. панхронного) описания или же истории индоевропейской культуры, рассматриваемой с точки зрения языка (что естественно при определении «индоевропейская»). Эта перспектива никогда не утрачивается, даже если речь идет о каком-то мелком фрагменте, не имеющем, как кажется, исторических выходов, — как, скажем, чисто формальный анализ («преимущественно на низших уровнях») стихотворения на одном из новых и.-е. языков или

³³ [[А. А. Мейер // А. А. Мейер. Философские труды. Paris, 1982, p. 22–28. Отмечу и статью об ученике Мейера: О русском мыслителе Г. П. Федотове и его книге // Наше наследие. 1988, № IV, с. 45, 50–53; показательны и некоторые замечания о Н. С. Трубецком и др.]]

³⁴ См. в указанной (сноска 5) библиографии В. Н. разделы: «Истоки знания (“начала”)», «Мифопоэтические истоки культуры», «Предправо», «Предфилософия», «Преднаука», «Предмедицина».

дистрибуция графем в современном русском языке³⁵. Последнее относится, в частности, к проблеме устной/письменной речи (статья была предназначена для книги «Опыт описания русского языка в его письменной форме»). В анализ стихотворения Рильке входит тема смерти³⁶, а работа о предыстории сонета Дю Белле³⁷ соотносится с общей проблематикой форм (в данном случае — сонета), восходящих к традиции мирового дерева (интерес к этому мотиву сам по себе весьма характерен, т. к. мировое дерево является не только одним из основных и универсальных — или почти универсальных — символов, но и элементом, организующим пространственное и ценностное устройство вселенной, разделяющим и объединяющим ее). Именно после появления работы о Жуковском стала понятна та историческая перспектива, в которую включены статьи об акмеизме, о «семантической поэтике» — и стал ясен самый факт включения их в историческую перспективу, в исследования эволюции поэтического языка³⁸. Наконец, как всякий уважающий себя поэтический текст, эта незавершенная мозаика содержит в себе и моделирующий себя элемент, показывающий, как, по всей видимости, должно выглядеть это целое — это небольшая работа о литовской деревне, рассмотренной как текст, репрезентирующий темы основного мифа³⁹.

³⁵ Материалы для дистрибуции графем в письменной форме русского языка // Структурная типология языков. М., 1965, с. 64–143, ср.: О дистрибутивных структурах конца слова в современном русском языке // Фонетика. Фонология. Грамматика. К семидесятилетию А. А. Реформатского. М., 1971, с. 152–162.

³⁶ К анализу нескольких поэтических текстов (преимущественно на низших уровнях) // Poetics. Poetyka. Poetika. II. Warszawa, 1966, с. 61–63. Ср. обратную ситуацию: примеры из Рильке и Мальро иллюстрируют «от противного» понятие *своей смерти* в русской традиции (Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров. К реконструкции праславянского текста // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1963, с. 146–147).

³⁷ Сонеты Дю Белле: к предыстории жанра // Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979, с. 33–45.

³⁸ [[В настоящей заметке постоянно упоминается история, это представлялось тогда естественным способом анализа культуры и литературы, хотя, нужно заметить, как раз в работах В. Н. Топорова подчеркивалась релятивность истории в целом и отсутствие сколько-нибудь серьезного методологического обоснования истории литературы, см.: О космологических источниках раннеисторических описаний // Труды по знаковым системам. VI. Тарту, 1973; К вопросу о циклах в истории русской литературы // Литературный процесс и развитие русской культуры XVIII–XX вв. Тезисы научной конференции. Таллин, 1985, с. 4–10]]

³⁹ Об одном локальном варианте основного мифа (DIEVENIŠKĒS) // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам I (5). Тарту, 1974, с. 33–37. [[Позже эта тема была продолжена в цикле работ о городах: Еще раз об и.-е. *BUDH- (:*BHEUDH-): 1. Фрак. Βουδνιον в индоевропейской перспективе // Этимология 1976. М., 1978, с. 136–150; VILNIUS. WILNO. ВИЛЬНА: город и миф // Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980, с. 3–71; О следах эпической стихотворной традиции в старорусских повестях о Москве // Балто-славянские исследования 1982. М., 1983, с. 223–262; вплоть до: Петербург и петербургский текст русской литерату-

II

Выбор слова как центральной единицы анализа текста, по-видимому, имеет два основных методологических следствия. Первое из них — рассмотрение текста как контекста отдельных слов (в предельном случае можно рассматривать каждый целый текст как контекст одного — любого — из появляющихся в нем слов, и в этом смысле набор интерпретаций каждого текста может быть количественно равен числу лексических вхождений или, может быть, лексем этого текста), второе — выделение лексического уровня текста, т. е. словаря (рассматриваемого парадигматически) как уровня текста. В какой-то мере оба этих подхода практически давно уже применяются и связаны между собой. Эта взаимосвязь становится вполне очевидной, если указать на их соотношение с понятиями *подтекста* и *контекста* (соответственно) в школе К. Ф. Тарановского.

Для первого из них главной оказывается та особенность слова в тексте, о которой говорилось выше в связи с переходом от изучения отдельных подтекстов к изучению истории слов в истории поэзии, т. е. «память» слова, включающая в его семантику прошлые употребления, контексты и связи, его бытование в истории (и доистории) поэзии. В своем пределе это «воспоминание» слова (в значении достаточно широком, не исключая ни акмеистического, ни церковно-ритуального употребления слова *воспоминание*) доходит до его этимологических связей, мифологических функций и т. п., хотя связи могут идти и в совсем иную сторону — гетеронимии (особенно калькирования), омонимии (в том числе межъязыковой), новых сближений, недавних контекстов и т. п.

Второй, парадигматический, подход сам не использует этого свойства слова, но основан на нем, т. е. сопоставление с понятием *контекста* значимо лишь в том смысле, что речь идет о соотношении слов в пределах

ры // Труды по знаковым системам. XVIII. Тарту, 1984, с. 4–29; То же // В. Н. Топоров. Миф. Ритуал. Символ. Образ. М., 1995, с. 259–367; Петербургский текст и петербургские мифы // Там же, с. 368–399; Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Исследования по структуре текста. М., 1987; То же // В. Н. Топоров. О мифопоэтическом пространстве. Pisa, 1994, с. 245–26, ср. также: Г. А. Левинтон. Город как подтекст (из «реального» комментария к Мандельштаму) // ПОЛУТРОПОН. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М., 1998, с. 730–755]. Расширяя тему *города* до ландшафта в целом (что отчасти и сделано в статье о литовской деревне и – в другом аспекте – в работах по гидронимии, как, например: «Baltica» Подмосковья // Балто-славянский сборник. М., 1972, с. 217–280), можно сослаться на замечание К. Леви-Строса об экскурсии в Бразилии с «великим географом» Эммануэлем де Мартоном (Emmanuel de Martonne, 1873–1955): «Мартон <...> прочел импровизированную лекцию, которая мне, в силу моего литературного образования, показалась прекрасным образцом анализа текста (textual criticism). Я понял, что пейзаж, когда его видит и анализирует мастер, может стать интереснейшим читательским переживанием (exciting reading experience), не менее пригодным для воспитания ума, чем какой-нибудь комментарий к трагедии Расина» (С. Lévi-Strauss. Saudades do Brasil. A Photographic Memoir. Seattle; London, 1995, p. 46) — замечание, заставляющее вспомнить и о структурной географии П. Н. Савицкого]].

корпуса. Для того, чтобы описывать лексическую парадигматику текста, нужно, рассматривая все множество вхождений данной лексемы в текст (корпус), искать общее значение или систему связанных значений — связанных в том смысле, что в каждом вхождении присутствуют все они, хотя бы и в разной иерархии, что, собственно, и является основой метода контекстов. Поэтому, в общем случае, неправомочны аргументы типа: «здесь *a* означает ‘*x*’ и **потому** не может означать ‘*y*’». В каждом вхождении слово имеет контекстные значения, но не утрачивает иных, латентных, второстепенных или равноправных контекстному, сочетающихся с ним или противоречащих ему. Одна из функций всякого употребления слова сводится к самому факту употребления слова из данного словаря (в качестве слова данной подсистемы, стиля, круга ассоциаций)⁴⁰. Слово, так сказать, «помнит» обо всех своих употреблениях не только в истории и доистории, но и в данном тексте (корпусе)⁴¹. Совершенно одинаковым образом (а) если слово *мосты* в общезыковой парадигматике связано с ‘рекой’, ‘переправой’, то в тех случаях, когда в песне употреблено диалектное *мосты* ‘сени’, оно сохраняет связь с этим мотивом⁴², и (б) если в стихах Блока «А Непрядва убралась туманом, / Что княжна фатой» *река* имеет свадебное значение (метафора невесты, свадебная тема границы, переправы), то и в стихах «Над Непрядвой лебеди кричали» и даже «Река раскинулась, течет, грустит лениво» она не может полностью утратить этих значений⁴³. Именно поэтому словарь текста (корпуса) образует систему, изучая которую, мы можем в какой-то мере пренебрегать

⁴⁰ Как одна из функций цитаты — быть цитатой: цитатой вообще или из данного текста, автора, языка и т. п. [[Позволю себе не вычеркивать эту приметку тогдашнего Sturm und Drang’a]].

⁴¹ В сущности, Мандельштамовское понятие «знакомства слов» («надо знакомить слова...»; см. Г. А. Левинтон, Р. Д. Тименчик. Книга К. Ф. Тарановского о поэзии Мандельштама, с. 210, сн. 27) как раз исходит из той предпосылки, что «остальные» слова уже «знакомы», а это неизбежно опирается на то, что они *помнят* свои прежние знакомства, т. е. контексты (более наглядно этот механизм будет рассмотрен ниже, в разделе III). [[Теперь такой подход уже достаточно очевиден для того, чтобы стать предметом осмеяния: «АКТУАЛИЗАЦИЯ второстепенных значений слова, по Тынянову: это все равно, что читать книгу, при каждом слове вспоминая весь набор его значений из толкового словаря. Приблизительно так работают искатели подтекстов. А еще более современные вместо толкового словаря смотрят в “Мифы народов мира”» (М. Л. Гаспаров. Записи и выписки. М., 2000, с. 9)].

⁴² Ср. такие контексты, как «По сеним, по сеничкам, по новым *переходичкам*», «Не ломитесь, сени новые, не *погнитесь*, да *перекладинки*» и т. п., где значение ‘пересечения’, ‘преодоления’ подчеркнуто анафорой. Ср. диал. *уезжать с моста* ‘вернуться с полдороги’ и ‘расторгнуть помолвку’. Подробнее см.: А. К. Байбурин, Г. А. Левинтон. Структура пространства русского свадебного обряда // Русский народный свадебный обряд. Л., 1978, с. 95.

⁴³ См.: Г. А. Левинтон, И. П. Смирнов. Цикл Блока «На поле Куликовом» и памятники Куликовского цикла // Куликовская битва и подъем национального самосознания (ТОДРЛ, т. 34) Л., 1979, с. 74–77.

спецификой отдельных вхождений или рассматривать их лишь в составе «целого» (при исследовании дистрибуции слов и т. п.)⁴⁴.

Важнее для нас другое — а именно то, что словарь *является уровнем текста*, т. е., иначе говоря, в словаре — в лексической парадигматике текста — существует ряд соотношений и систем, которые (по крайней мере, говоря об исследовательских процедурах) невозможно обнаружить при рассмотрении текста в его синтагматике, но эти соотношения, тем не менее, принадлежат самому тексту. В частности, в словаре (с разной степенью легкости) выявляются подсистемы, значимость которых легко показать, назвав, например, — для обрядовых текстов (материал наиболее близкий автору) терминологию родства или специальные обрядовые термины; или, с другой стороны, поэтические функции частей речи (ср. примеры анализа, лучше всего известные по работам Р. О. Якобсона).

Именно в словаре начинают играть особую роль этимологические и квазиэтимологические связи (даже если они не проявляются синтагматически в тексте в виде этимологических, квазиэтимологических или паронимических фигур). Исследование таких возможных разбиений и связей, составляющих семантическую структуру словаря, приводит к содержательным разбиениям, например, по мотивам, причем здесь опять же могут выявляться нетривиальные соотношения. Так, анализируя корпус свадебных песен, мы должны по чисто дистрибутивным соображениям отнести к мотиву *границы*, например, слово *желтый* (оно встречается исключительно как признак *песка*, а *песок* — только в связи с *берегом реки*: ср. начало примера, цитировавшегося выше в сн. 15: «*Подле реку, / Подле реку, / На крутом берегу, // На том берегу, / На желтом на песку*»).

Мы проиллюстрируем такие разбиения на материале небольшого корпуса свадебных песен, разбиравшегося нами в специальной работе (предыдущие примеры — в сн. 42 — взят оттуда же)⁴⁵. Разумеется, нам

⁴⁴ Тогда как для метода контекстов каждое вхождение является отдельным поэтическим фактом, объясняемым через сопоставление с другими. Однако представление об общем значении также не чуждо этому методу, ср. анализ слова *воздух* у Мандельштама, основанный на полном [[на тот момент]] списке контекстов: К. Taranovsky. *Essays on Mandel'stam*. Cambridge, Mass., 1977, p. 10–14; ср. Г. А. Левинтон, Р. Д. Тименчик. Книга К. Ф. Тарановского, с. 203. [[См. теперь: К. Тарановский. О поэзии и поэтике, с. 22–25]].

⁴⁵ Тексты записаны в с. Кудымкор Пермской губернии в 1869 г., хранятся в Древле-хранилище Пушкинского Дома (коллекция П. С. Богословского, сборник был указан нам В. И. Малышевым); цифры в скобках означают номера песен. [[Тексты за это время вышли: Песни свадебные, писанные Григорием Лучниковым в январе 1869 г. Кудымкор. Публикация и примечания В. А. Лапина и Г. А. Левинтона (см. выше сн. 15), далее при цитировании сохраняем орфографию этой публикации, а пунктуацию добавляем по современным правилам. Из работы же опубликовано лишь небольшое извлечение: К проблеме изучения корпуса свадебных песен//Народная песня. Проблемы изучения. Л., 1983, с. 143–152. Сборник Лучникова до нашей публикации упоминался в работах И. В. Зырянова (см.: Песни свадебные... с. 98, сн. 1), а в недавнее время — с рядом неточностей — в тексте с не вполне понятной прагматикой: *Musical folkloristics in the Urals. Collectors and researchers*. <http://yeams.rubl.ru/en/folk/folklor.htm>]].

приходится здесь обращаться к контекстам, но анализ ориентирован на выявление общих значений, тем более что такой фрагмент работы не может полностью продемонстрировать метод парадигматического анализа. Приведем здесь часть комментария к одной группе глаголов, а именно *verba dicendi*, которые в синтагматике песни играют вполне определенную роль — введение прямой речи.

Эти глаголы: *держатъ, похваляться, кричать, (з)вопить, згаркнуть, заплакать, плакать, рыдать, причитать, думать, проговорить*, ср. также *молиться* (глагол *говаривать*, упоминаемый ниже, семантически примыкает к этой группе, но не связан с функцией введения прямой речи).

Нетривиальным в этой группе оказывается глагол *держатъ*. Этот глагол из 6 случаев употребления только один раз встречается вне сочетания *ответ держатъ*, и в этом случае (№ 19) герой *держит гусли*, т. е. звучащий инструмент (ср. его этимологическую связь с *гудеть* и обычное не только в фольклоре применение к музыкальным инструментам глагола *говорить* в значении 'звучать'), непосредственно после этого глагола функция введения прямой речи передается глаголу *выигрывать* (зд. на гуслиях), то есть за синтаксически связанным комплексом строк, содержащих этот глагол, следует прямая речь жениха (а затем — ответная реплика невесты, вводимая глаголом *заплакала*).

Глагол *похваляться* примечателен в другом отношении, вместе со всей описываемой в песне № 12 ситуацией он соотносится с мотивом хвастовства, *похвальбы* героя (гостя — адресата величания) своей женой — мотивом, весьма важным в былинах, где он присутствует на разных уровнях: от краткой формулы «глупый хвастает молодой женой»⁴⁶ до развернутого сюжета хвастовства чудесной женой и соответствующего наказания.

Наиболее интересен ряд глаголов: *кричать, вопить (вскричали, звопили — 4: 15, в параллельной строке 4: 40: вскричали, згаркнули), (за)плакать* (см. выше о № 19) и, особенно, терминологическое — *причитать*. Этот круг слов связан с описанием самого обряда, в котором обращения персонажей друг к другу часто представляют собой *плачи, причитания*, причем некоторые из этих глаголов выступают за пределами песен как термины, специально обозначающие причитания (ср. *вопить, вопленица, плачя* и т. п.). Особенно показателен синонимический ряд, в котором названия *плача* постепенно переходят в формулу прямой речи (причем параллелизм глаголов, стоящих в одинаковой синтаксической позиции, подчеркивается рифмовкой, охватывающей часть этих глаголов): «Как моя матушка *плачет*, / Как государыня *рыдает*, / Ко берегу *припадает*, / Ко мне молодой *причитает*» (13: 24–27). Интересно, что здесь глагол *рыдать* отождествлен с более терминологическим

⁴⁶ Обзор вариантов этой формулы и ее контекста — эпической темы похвальбы на пиру см.: П. Д. Ухов. Атрибуция русских былин. М., 1970, с. 45–58.

причитать (ср. и управление этого слова: *причитать к кому* — обычный оборот в описании обряда), потому, в частности, что слово *рыдать* находит этимологическое соответствие в юридической лексике, связанной с браком в иных традициях. В «Законах Ману» (III, 24) находим такое определение брака-похищения: *Hatvā chittvā ca bhittvā ca krośantīm rudatīm gṛhāt prasahya kanyāharaṇan rākṣaso vidhir ucyate* 'насильственное похищение девушки из ее дома, когда она кричит и плачет, после того как (ее родственники) были убиты или ранены и (их дома) взломаны, называется обрядом *ракшаса*'⁴⁷. К. Уоткинс, подробно обсуждающий этот закон⁴⁸, указывает, что «крик и плач» невесты носят здесь характер юридически обязательных элементов, без которых речь шла бы о другой форме брака (и, таким образом, другом обряде), так же как в другом рассматриваемом им ритуале — поисков вора (имеющем соответствия и в славянской традиции) «юридический выкрик» жертвы ограбления является одним из признаков, отличающих грабеж от воровства. Рядом с термином, обозначающим этот юридический выкрик, *krośati*, наличие которого определяет обряд «ракшаса» (брак-похищение), стоит глагол, обозначающий 'плач', *rudati*, родственный русскому *рыдать*. Нельзя ли предположить, что русский глагол связан с похожим комплексом представлений и мог иметь подобного рода юридическое значение (ср. терминологический — но не юридический, а ритуальный — характер глагола *причитать*)?

Глагол *думать* также вводит прямую речь, за пределами нашего корпуса текстов этот глагол часто употребляется в обозначениях поведения невесты: подружки упрекают ее в том, что она *сдумала* замуж пойти; ср. в общем синонимичные конструкции в наших текстах: «Не в *уме-то* было, не в *разуме*, / Помышленьица того не было, / Что во нонешний год замуж идти» (7: 6–8). В какой-то не вполне ясной связи с этим употреблением находится и следующий пример: «Знать нам с тобой <...> Крепкие *думы не думывати* <...> Тайных *речей не говаривати* <...> Крепкая *дума* — (имя жениха) молодец, / Тайная *речь* — (отчество) сокол» (20: 39–50). *Дума* и *думать* знаменуют какой-то вид объединения, сначала с подружками (в цитируемой песне — в отрицательном контексте: *не думывати*, невеста уже «отделена» от подружек), затем с женихом (кото-

⁴⁷ Цит. по: С. Watkins. Studies in Indo-European Legal Language, Institutions and Mythology // Indo-European and Indo-Europeans. Philadelphia, 1970, p. 324: «The forcible abduction of a maiden from her home, while she cries out and weeps, after (her kinsmen) have been slain or wounded and (their houses) broken open is called the *rākṣasa* rite' (tr. Bühler)». В русском переводе (новое издание: Законы Ману: Манавадхармашастра. Пер. С. Д. Эльмановича, пров. и испр. Г. И. Ильиним. М., 2002, с. 89): «Похищение из дома кричащей и плачущей девушки силой, сопровождаемое убийствами, ранениями и разрушениями, называется обрядом *ракшаса*» — можно отметить лишь различие между «разрушением» и «взломом», а также другую нумерацию параграфа (III.33).

⁴⁸ Op. cit, p. 324-325.

рый отождествлен с *думой* и *речью* — ср. круг значений и.-е. **men-* связывающегося в ряде языков с ‘человеком’ > ‘мужчиной’, а в славянских дающего *мысль*⁴⁹, а также **moǰě*, **moǰrostь*). *Дума* как нечто объединяющее, может быть, сопоставима со свадебным употреблением формулы *совет да любовь*. Ср. показательное описание **разлуки, смерти** в «Слове о полку Игореве», где *мысль* и *дума* появляются также в контексте отрицания, но в связи с мужьями, а не подружками (т. к. речь идет не о свадьбе, а о смерти): «Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою съдумати, ни оочима съглядати» (ст. 83 по изд. Якобсона). Ср. показательные сочетания в песнях нашего корпуса: «У меня жена умная./у меня жена разумная» (12: 22–23) или: «Во чужих людях [т. е. в замужестве] живучи,/Надобно жить умеючи,/Говорить разумеючи» (11: 19–21); «На чужой стороншке/Надо жить быть умеючи,/Говорить разумеючи» (14: 4–6) — здесь, во всех трех случаях, по соседним стихам распределяются компоненты, которые мы видели вместе в формуле: «не в уме то было, не в разуме». К предыдущему ср. м. б. и *дума* как эпический жанр (см. ниже о слове *слава* и к этому ср. *слава* как южнославянское название праздника)⁵⁰.

Даже такой элементарный способ, как упорядочение слов по алфавиту, дает существенные семантические результаты. Речь идет не столько о выявлении слов с одним префиксом, сколько об омонимии префиксов и непрефиксальных анлаутов (ср., например: *супруг, свадьба, свой*)⁵¹. В словаре анализируемых текстов выделяются, например, слова с начальным *св-*, связанные с тремя разными основами: *свой, свят-* и *свет-*: *свадьба, свекор, свекров(уш)ка, своячина, святитель, святой, свет, свеча*. Взаимодействие их очевидно; ясно и то, что эта паронимия сыграла роль в осмыслении слова *свадьба* не только в связи со *сват, свой*, но и с-*водить*. Это видно в таких примерах за пределами нашего корпуса текстов, как связь чеш. *svatba* и *svatek* ‘праздник’,

⁴⁹ В. Н. Топоров. К этимологии слав. **mьslь* // Этимология. Исследования по русскому и другим языкам. М., 1963, с. 3–13.

⁵⁰ [[Ср. синтаксическую связь глагола *думать* с именем жениха (в контексте разлуки с подружками) и с глаголом *идти* в величании: «я нейду, нейду, не думаю идти / За его за добра молодца / За Ивана за Васильевича» или: «Сама сдумала замуж пошла / За такого за детину-молодца, / За Леонтия Николаевича» (см.: Г. А. Левинтон. Русское свадебное величание (к проблеме имени и отчества в обрядовом тексте) // IJSLP, vol. XXXVIII, 1988 / 1995, р. 95–96 (тексты), 98 (комм.)), паронимическая игра на сближении окончания первого лица глагола *идти* и основы *дум-* (при обратном порядке глаголов) еще эффективнее представлена в зарайских свадебных записях П. И. Якушкина, где невеста отвечает отцу и матери («Пойдем, пойдем Авдотьюшка»): «Нейду, не думаю, / Нейду, не слушаю», а жениху отвечает: «Иду, иду и думаю, / Иду, иду и слушаю». (Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи П. И. Якушкина, т. 1, Л., 1983, № 424, с. 191), ср. такую же конструкцию, но без паронимии: *Я нейду, нейду, не слушаю* <...> *Я иду и слушаю* (там же, № 419)].

⁵¹ Ср. этимологическую (через префиксы) и семантическую (через понятие ‘связи’, ‘уз’) соотнесенность слав. **sq-progь* и др.-инд. *sam-bandhi* ‘свойство’.

ср. особенно термин *svetit svatek* при специальном *slavit svatbu*⁵² и такие контексты, как *svato se slibiti* 'твердо обещать' (при том, что слова, родственные последнему, обозначают 'брак', укр. *шлюб* и т. п.). Тем более связаны слова с тождественными или омонимичными префиксами *со-вет*, *со-бор*, *со-здавать*, *со-лучить*, *со-мутиться*, *со-нести*, *со-рывать*⁵³. И в синтагматике текста действительно встречается сопоставление этих префиксов или омонимичных им анлаутов; помимо просьбы к Кузьме-Демьяну *сковать свадебку*, ср. в тексте № 21 сходную этимологическую фигуру (опускаем разбивку на двустушия):

Ты, *святителю* Лука,
Солучи мое дитя,
 И еще хороша (имя жениха)
Со (имя невесты) душой,
 Еще хороша (отеч<ество> жениха)
Со (отеч<ество> невесты) душой.
 Им *создай* же, Боже Г<оспо>ди,
Совет и любовь,
 Им *совет* и любовь
 Дай им долгой век⁵⁴.

⁵² [[Отмечено со ссылкой на наше устное сообщение в: А. М. Панченко. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984, с. 76–77, сн. 81; Он же. Русская история и культура. Работы разных лет. СПб., 1999, с. 93, сн. 1]].

⁵³ Интересно, что префикс *с-* в одном из значений сопоставляется с греч. *κατά*, которому посвятил специальную статью В. Н. Топоров (К семье анатолийск. *kat(a)-*, др.-греч. *κατά* // Этимология. 1971. М., 1973, с. 286–297), показав связь в этом префиксе идей 'нисхождения' и 'зачатия', 'рождения' и т. п. Ср. такие термины, как *окатывать* 'катать молодых (поженившихся после последней Масленицы) в снегу (во время Масленицы)' и *выкататься* — глагол, в песнях применяемый к жемчугу — метафоре невесты; ср. вообще ритуальную роль *катания с гор* (ср. *окатывать* 'обливать водой' при ритуальном значении обливания, в частности символизирующего соитие с божеством, производящим дождь, — обряд. т. наз. Пеперуды). В частности, в указанной статье сопоставляются слова *накатать* 'написать' и нем. *niederschreiben*, англ. *write down*. Когда автор этой работы напомнил В. Н. Топорову сопоставимый с этим круг загадок о *писании* как *сеянии* (соответственно, *чтении* — *жатве*, ср. вообще мотив *семя — слово*, упоминавшийся выше), то В. Н. в ответном письме сопоставил с этим этимологию *писать* от **pejk-*, к которому, возможно, восходит и слав. название женских гениталий (ср. и такие эвфемизмы для них, как *книжка-раздвижка* и т. п.). [[Примеры актуального соположения этого названия с глаголом *писать* — см. М. И. Шапир. К семантике «пародического балладного стиха» («Тень Баркова» в контексте полемики о старом и новом слоге) // М. И. Шапир. *Univsum versus: Язык — стих — смысл в русской поэзии XVIII–XX веков*. Кн. I, М., 2000, с. 217, сн. 20, ср. и весь контекст статьи с сопоставлением *coitus'a* и *писания*]].

⁵⁴ В предшествующих строках эта анафора уже подготавливается, хотя и не столь интенсивно: «Что честная госпожа, / (имя жениха) родная мать, / **Свет** (отечество) *сокола* / **Свет** родимая мать, / **А с** по имени **свет** / (имя и отечество). / <...> Она ставила **свечи**, — да / Перед чудные образа, / Перед чудные образа / Перед **святителя** Луку, / Перед Троицу **Святу**, / Отошедши *сама*, / Богу молилася она:» (последняя строка уже вводит прямую речь, обращение к Св. Луке).

Ср. также в тексте № 8:

Во насаде то пташечька,
 В колымане ясен **сокол**.
 Во насаде то девица,
 В колымане доброй молодец.
 Во насаде **свечи** теплятся,
 В колымане Богу молятся⁵⁵:
Сонеси, Боже Г<оспо>ди,
 Колыман **со** насадою,
Солучи, Б<о>же Г<оспо>ди,
 Молодца **со** девицею,
 Им **создай**, Боже Г<оспо>ди,
Счастья великова.

Во взаимодействие с предлогом *с(о)* и префиксом *с(о)-* вступают также элементы, не родственные, а только омонимичные им, как, например, *с-* в слове **счастье**, этимологически не связанное с префиксом *с-*, или *со-* в **сокол**, принадлежащее корню; ср. также *с-* в **святой** (*свят-*). [[Вероятно, именно на такого рода контексты ориентировался Пушкин, у которого в «Записке к Жуковскому» (рядом с *молоденцем*, и (погребальным) *кипарисом*) сочетаются: «Какой **святой**, какая **сводня**/Сведет Жуковского **со** мной?/Скажи — не будешь ли **сегодня**/С Карамзиным, **с** Карамзиной? <...> Раевский — **слава наших дней**». Заметим у самого Жуковского, который ввел в актуальный обиход имя *Светлана*, скрытую игру на *свет-* - *свят-*, поскольку «Светлана» — это, прежде всего, «*святочная история*»⁵⁶ и этот мотив имплицитно присутствует в одном из вариантов названия: «Гадание»⁵⁷. Совсем другого рода пример с игрой на тех же корнях, в частности, объединенных в двуосновном имени *Святослав* — у Хлебникова: «Далеко та мель прославлена, / Широка и мрачна (!) **слава**, / Нынче снова окровавлена / Светлой кровью **Святослава** <...> **Святослав** суров окинул / Белым сумраком главы <...> **Светлых** клич “иду на вы!”» (Написанное до войны)⁵⁸]].

⁵⁵ Двоеточие поставлено здесь по аналогии с предыдущим примером.

⁵⁶ [[Ср.: Е. В. Душечкина. Русский святочный рассказ: Становление жанра. Автореф. докт. дис. СПб., 1993; Она же. Русский святочный рассказ: Становление жанра. СПб., 1995; Чудо Рождественской ночи: Святочные рассказы. Сост., вступ. ст. и примеч. Е. В. Душечкиной и Х. Барана. СПб., 1993]].

⁵⁷ Здесь невозможно останавливаться на очень интересном продолжении темы гадания у Пушкина и, от него, у акмеистов — с Татьяной нам не ворожить (и не нам гадать о греческом Эребе)!

⁵⁸ [[В. Хлебников. Творения. М., 1986, с. 88. Особенно любопытно, что несколько выше в этом стихотворении упоминаются те же самые древнерусские *насады* ‘речные суда’ (у Хлебникова *Святославовы насады* прежде всего из «Слова о полку Игореве»: «Ты лелѣял еси на себѣ Святославли носады до плѣку Кобыкова» — ст. 179), которые фигурируют и в нашей песне № 8. Отметим еще интересный пример у Сологуба: «Ним-

[[Возвращаясь к свадебным песням]], покажем в нашем корпусе сходную игру на других префиксах: Докатился *да* сам рассыпался он *до Дорогого* камешка *до* души же хорошей девицы» (№ 15); «Он **вы-игрывает** **волю** <...> **великую** негу <...> **вставай** ка **поутру** **пораньше** **всех**» (№ 19); ср. в № 7: «...ножки **под-секались**, / Белы рученьки о-пу-щались <...> **по-мышленьица**<...> за-**по-ручила** родна Матушка. / Что **про-говорит** родна Матушка: “Я отдам дочь, **приют** сделаю, / Я куда **пойду**, к дочери **зайду** / Я назад **пойду**, **по-проведаю**» <...> Ты **по-ди** ко, родима Матушка <..> **по-смотри** ко, родима Матушка / На сера гуся **пере-летнего**, / Каково же да гуся **плавати** / Су-**против** волны на море» (ср. и цитировавшийся выше пример про *пере-кладички*).

Аналогичные примеры скоплений морфем с *c-* находим и в болгарском свадебном репертуаре⁵⁹, ср.:

Гора **се с** гора *с т а в и л а* ,
 вода **се с** вода *с т а в и л а* ,
 два **са се с в а т а** *с т а в и л и* ,
 два *с в а т а* като два брака,
 та **си** иманье измешиха,
 та заедно да **си** търгуват
 <...> да берат *с и в и* говеда <...>

(ср. и почти все соседние слова: *вода* — *два*; *иманье* — *измешиха*),
 или

кога **се** рода *с р о д у е* –
 два *с в а т а* като два брата,
 две *с в а к е* като две *с е с т р е*,
 девери като два брата –
 тежка е рода *с т а н а л а*.

(с. 639)

Ср. также:

Майко ле, *с т а р о* майко ле!
 Мъртва **си** легнах предремах.
 Голем **си** *с о н ч о к* *с о н е в а х*,
 как да летае гулаби,
 а **со** гулаби *с и ф* *с о к о л*.

(с. 640)

бы здесь не загорались, / *Светлой славой* не венчались / Здесь *святые* никогда» (Не жаль о днях минувших, 1923 // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997, с. 118]].

⁵⁹ Примеры взяты из антологии: М. Арнаудов. *Вековно наследство. Болгарско народно поетическо творчество*, т. 1. София, 1976, с. 637 слл. (оригиналы: СбНУ, т. V; Там же, т. XLIX; В. Икономов. Сборник о старонародни песни и обичаи в Дебрско и Кическо (Западна Македония). София, 1893, № 98; К. А. Шапкарев. Сборник от български народни умотворения. Изд. 2, т. I, София, 1968, № 141).

Сив сокол летает високо,
со очи гледат далеку,
со криля держит широко;
 под криля *сенка* голема,
 под *сенка* трева зелена,
 край трево вода *студена*.
 На трева *седат* майстори
 майстори *све* баш терзии,
 <...> Край вода *седат* майстори,
 майстори *све* баш кюрчии <...>
 (с. 645)

Вот другой пример семантически связанного фрагмента словаря, объединенного анафорой (предлогов, префиксов и омонимичных им анлаутов), из текста уже не фольклорного, а вполне авторского — «На поле Куликовом»⁶⁰. Как уже говорилось, *река* воплощает в цикле Блока тему границы (связанную с мотивом переправы), свадебную (вслед за работой Потевни) и военную (в связи с географией Куликовской битвы и ее прецедентов в житии Александра Невского). Фольклоризирующий характер зачина демонстрируется «самоповтором»: в начале первых трех стихотворений цикла (стихов «о прошлом» vs. стихотворения 4–5 — «о настоящем», начинающиеся словом *опять*) скапливаются глаголы *течет*, *грустит*, *моет* (1: 1–2)⁶¹, *стали* (2: 1) и как будто антонимичное *залег* (3: 1). Однокоренные им глаголы встречаются в характерном контексте в статье «Поэзия заговоров и заклинаний»: «*Встану*», “пойду”, “умоюсь” — так часто *начинаются* заговоры, и, очевидно, так делалось когда-то»⁶². Слово *река* встречается в цикле трижды, то же значение, естественно, имеют и два гидронима: *Непрядва* (тоже 3 раза) и *Дон* (1 раз). *Непрядва* и *река* встречаются по одному разу в именительном падеже (*Река раскинулася* — 1: 1, *А Непрядва убралась туманом* — 3: 19), в остальных 4 случаях они стоят в творительном падеже с пространственными предлогами: 3 раза *за* (*За рекой* — 2: 6; *за туманной рекою* — 4: 3; *За Непрядвой* — 2: 3) и один раз *над* (*над Непрядвой спящей* — 3: 21), таково же употребление гидронима мужского рода: *Перед Доном* (3: 5). Употребление предлогов явно подчеркивает тему границы (переправы), для *за* и *перед* в этих контекстах это очевидно, но связь с границей сохраняется и в предлоге *над*. А. А. Потевня возводил свадебную тему переправы, в конечном сче-

⁶⁰ [[Этот разбор взят из чернового варианта работы, появившейся впоследствии в существенно переработанном виде: Г. А. Левинтон, И. П. Смирнов. «На поле Куликовом» Блока и памятники Куликовского цикла (см. сноску 43), в печатном варианте этого разбора нет]].

⁶¹ Первая цифра — номер стихотворения, вторая — строки.

⁶² А. Блок. Поэзия заговоров и заклинаний // Собр. соч. т. 5, Л., 1962, с. 48 (курсив наш). Заметим, что глагол *пойти*, единственный из этого списка, не находящий аналога в цикле, в диахронии синонимичен глаголу *течь* — ср. др.-русск. *течи* ‘идти’.

те, к представлению о мосте, по которому боги спускаются к людям во время свадьбы: «И с туманом *над Непрядвой* спящей / Прямо *на меня* / Ты *сошла* в одежде, свет струящей <...>» (3: 21–23).

С тем же семантическим комплексом 'границ(ы)' связаны и другие употребления предлога *за*⁶³. В ст. 4–5 это уже не граница между станами, она отделяет героя от «нее» (упоминавшийся пример: «*за* туманной *рекою* / Ты *кличешь* меня издали» — 4: 3. — ср. «*Перед Доном* <...> слышал я *твой голос* <...> в криках лебедей» — 3: 5–8), а потом от битвы: «*За* тишиною непробудной, / *За* разливающейся мглой / Не слышно грома битвы чудной» (5: 5–7) «*За* ветром взывают мечи» (4: 28 — если *за* здесь не имеет значения следования: 'вслед за'). Как и в предыдущем случае, те же функции распространяются на префикс *за-*, особенно наглядно эти ассоциации видны в контекстах со словом *мгла*: наряду с цитированным *За разливающейся мглой* (5: 6 — ср. фонетический состав предлога и префикса: *за — раз*) — «*расточилась мгла*, / И, словно *облаком* суровым, / Грядущий день *заволокла*» (5: 2–4 — этимологическая фигура *облаком заволокла*, как не раз отмечалось, повторяет фигуру *облокусь я облаком*, разбираемую в статье о заговорах); «И даже *мглы* ночной и *зарубежной*» (1: 11). Последнее слово, разумеется, связано с темой границы не только префиксом, но и корнем, при этом оно рифмуется с *безбрежной* (глубокая рифма захватывает даже префиксы, что в данном случае особенно интересно), т. е. с производным от *берега*, который не просто связан с *рекой*, но выступает как прямой объект при одном из разбиравшихся глаголов с подлежащим *река*: *река* <...> *моет берега* (1: 1–2). Оба существительных с началом *за-* относятся к атмосферным или световым явлениям, это *закат* (повторенный дважды 1: 24, 25) и *зарницы* (3: 15), в первом префикс выделяется хотя бы диахронически (синхронно он менее ощутим в существительном, нежели в мотивирующем глаголе), во втором анлаут принадлежит корню и только омонимичен префиксу. *Закат* связан именно с границей, но временной — границей дня и ночи (ср.: *день заволокла* и *мглы ночной*), света и тьмы (*мглы*). *Зарницы* контекстуально ему противопоставлены: *Закат в крови* (1: 24–25, как экземплификация темы «покой нам только снится») vs. *А над Русью тихие зарницы* / *Князя стерегли* (3: 15–16). *Над Русью* повторяет предложно-падежную конструкцию *Над Непрядвой* в том же стихотворении (3: 21), при том что и Русь, и Непрядва получают женские персонификации (*жена* и невеста-*княжна*, соответственно). Наконец, единственный глагол с префиксом *за-*

⁶³ Любопытно, что в думе Рылеева «Дмитрий Донской», бывшей если не прямым подтекстом, то прецедентом блоковского цикла, находим подчеркнутую игру с предлогом *за* — при слове *Дон*, начиная со ст. 13: «Туда! *за Дон!*.. настало время! <...> 'К врагам! *за Дон!* — вскричали войски, — / *За* вольность, правду и *закон!*' — / И повторяя клик геройский, / *За* князем ринулися в *Дон*». Эти повторы предлога подготовлены в ст. 3–10 омонимичными морфемами: «И *заодно* с презренным ханом <...> *За* нас и Сергия молитвы, / И прах *замученных* отцов! / Летим и возвратим народу / *Залог* блаженства чуждых стран» (К. Ф. Рылеев. Думы. М., 1975, с. 44–45).

прямо соотносится с пространственной границей, *рекой, мостами* и темой переправы, как и с темой ночи (тьмы, мглы): «В *ночь*, когда Мамай *залег* с ордою/Степи и *мосты*» (З: 1–2)⁶⁴. Этим исчерпывается фрагмент словаря с началом *за*-⁶⁵.

[[Исследование в этом направлении продолжалось уже в основном на материале Мандельштама. По разным группам лексики были прочитаны многочисленные доклады, но работы эти еще не закончены⁶⁶. Хотя в них анализируются связи семантические, а не фонетические, т. е. в словаре выделяются тематические, а не паронимические группы слов, все же во многих случаях семантическая роль анафоры проявляется и здесь]].

III

Существенно, однако, отметить, что эти процессы не ограничиваются текстами, фольклорными и литературными. Словарь языка в целом составляет, по-видимому, не менее цельную систему, и только ее необозримость мешает увидеть сходные эффекты. Уже давно отмечалось, что в семантических исследованиях не меньшую роль, чем этимологические связи, играют вторичные, квазиэтимологические, паронимические и т. п. сближения (иногда доходящие до «нейтрализации лексического противопоставления», по выражению О. Н. Трубачева, т. е. до ситуации, когда невозможно сказать, от какой из двух основ образована производная основа, ни синхронно, ни этимологически). Ниже мы покажем ряд семантических соотношений между словами с одинаковым звуковым комплексом в начале, явно этимологически не связанными, но безусловно влияющими друг на друга. Важно подчеркнуть, что эта ситуация еще гораздо более «абстрактная», чем предыдущая, не только потому, что выше мы говорили о лексическом уровне небольшого — в каждом слу-

⁶⁴ *Степи и мосты* выступают (аграмматично) как прямые объекты при этом глаголе, см. об этом: О. Г. Ревзина. «Грамматические ошибки» Блока // Сборник статей по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1973, с. 159–160.

⁶⁵ [[Отчасти сходный пример обыгрывания предлогов / префиксов *за* и их фонетических отголосков (вплоть до помещения одного префикса в междустрофный enjambement) находим в стихотворении Н. Горбаневской «Вот она, la vie quotidienne»: «<...> белый день взовьется в зенит, / сонные прорежет глаза, / заведет тебя, заманит, / закружит, закружится, за- / вертится, каяться на закат / невеселым веретеном, / падающий свет из окна, / гаснущий закат за окном <...>» (Н. Горбаневская. Не спи на закате. Почти полное избранное. СПб.: Лики России, 1996, с. 133 (сб. «Круговорот воды в природе», 1977))].

⁶⁶ [[Доклад «*Игра* у Мандельштама» был прочитан на заседании Загребского ројтмовник'а «Культура XX века: Лудизм» в 1994 году, и на VII Тыняновских чтениях (Резекне, 1994), «*Власть* у Мандельштама» — на Лотмановских чтениях 1997 года, «*Страх* у Мандельштама» — на конференции «La semiotique de la peur dans la culture russe» (Paris, 2001). Последний из этой серии докладов «Еще раз о поэтике Мандельштама (словарь как парадигма текста)», посвященный непосредственно фонетической анафоре в словаре Мандельштама и продолжающий эту и особенно нижеследующую часть настоящей статьи, был прочитан на конгрессе в честь 80-летия Ю. М. Лотмана в Тарту в феврале 2002 года, возник даже соблазн включить его сюда, непосредственно после анализа диалектного материала, но это был бы уж слишком большой анахронизм]].

чае — корпуса текстов, а теперь переходим к «языку в целом», т. е. принципиально бесконечному количеству текстов. Дело еще и в том, что мы взяли в качестве материала **сводный** словарь (*Словарь русских народных говоров*, далее СРНГ), и выбрали его, поскольку он достаточно полно представляет и суммирует предшествующую диалектологическую традицию, а также для того, чтобы показать очевидность и общедоступность описываемых фактов. С другой стороны, это факты «общерусские», то есть те взаимоотношения слов, которые описываются ниже, — это отношения «кросс-диалектные», возникающие на уровне еще намного более абстрактном, чем словарь одного диалекта⁶⁷.

Короб — слово, видимо, исконное, история же заимствования слов *корабль*, *коровод/хоровод* и *король* общеизвестна. Все примеры взяты из 14 выпуска СРНГ. *Короб* наряду со значением, совпадающим с литературным, а также значением ‘кузов телеги’ и ‘телега’, имеет еще и значение, идущее в СРНГ под № 13 ‘приданое невесты’ (ср. *коробья копить* ‘приготовлять приданое’). Этот круг значений широко представлен среди производных, ср. свадебные чины (связанные с приданым) *коробейник*, *коробейники*, *коробейница* (ср. второе значение ‘женщина, ведающая хозяйством в доме’ и песенный контекст, включающий основы, характерные для свадебной лексики: «Будешь *ключница* да *коробейница*, / Ты во всей же *семье* будешь *разрядчица*»), *коробейные гости*, *коробейные свахи*, *коробейщик*, *сваха-коробейщица*, *коробельник*, *коробщик*, *коробьшники*, ср. далее *коробейка* ‘приданое’, *коробка* ‘корзина, в которую кладут подарки для родни невесты’, *коробья* ‘сундук для приданого невесты’, *рядить коробью* ‘складывать в сундук приданое, готовить приданое’ (ср. выше: *разрядчица*). Но и другие значения обнаруживают такие связи и контексты: *коробочек*, уменьш. от *коробок* ‘плетеный кузов повозки’: «*Невесту* выводят, садят в *коробочек*, это свадебный поезд», ср. и значение *коробка* ‘гнездо засова дверного замка’⁶⁸. Так же *коробка* ‘вид женского головного убора’ (ср. при слове *коробоватый* ‘похожий по форме на короб’ — пример из песни: «А я не виновата, / *Кичка* *коробовата*»; *кика* ‘женский головной убор’ — знак замужества в свадебных и хороводных песнях).

Свадебные ассоциации слова непосредственно связываются со всеми производными *коровая*, которые мы комментировать не будем (ср. так-

⁶⁷ [[Напомним, что и обычный диалектный словарь — из числа тех, на которых основан СРНГ — редко описывает узко локальный диалект, но, как правило, «инвариант», бытующий на довольно большой территории; исключения вроде словаря деревни Деулино — единичны. Подчеркиваю все это, в частности, имея в виду нынешнее наступление «локализма», тенденцию к признанию реальности только единичных, локальных фактов — явление, кажется, лучше всего определяемое англ. прилагательным *parochial*, для которого не находится полноценного русского эквивалента]].

⁶⁸ Ср. заговор: «Голова моя — *коробья*, язык мой — замок» (ср. к свадебной тематике эротическую метафору замка, засова; ср. тогда, м. б., и *коробка* — ‘изогнутая часть спицы *курицы* или утки’ при обценных значениях слов, производных от *кур*-).

же «полногласные» формы *коровать* ‘кровать’ и производные). Однако важно отметить еще одно сочетание с глаголом *ходить* у разных производных: *ходить коробом*, *коробочкой*, *с коробком* означает ‘ходить беременной’, *ходить в коробочку* ‘танцевать танец коробочку’. Последнее ближайшим образом связано уже с *короводом*, *корогодом* (*ходить в хоровод*, *водить хоровод*), ср. и значения *короводить(ся)* ‘нянчить ребенка’ (ср. выше тему беременности) и ‘ухаживать за кем-либо, состоять в связи, дружить’. Сочетание *ходить коробом* (ср. *коробочка* ‘маленькая, толстая или беременная женщина’) в свою очередь сопоставимо с *ходить корольком* ‘ходить бодро, красивой походкой’, эта антонимия продолжается и вне сочетаний: «С телом лошадь — *королек*, а без тела — *коробок*». Это связано и со значением *королек* ‘животное, красивое и редкое по каким-то качествам’ — чаще всего, как видно из примеров, **белое**⁶⁹, т. е. слово *королек* образует точное соответствие слову *князек*, семантику которого в связи со свадебным термином *князь* мы подробно описывали в другой работе⁷⁰ (ср. также *королек* ‘кровавая мозоль’ — видимо, не без фонетической ассоциации, и *князь* ‘нарыв’, упоминаемое Фасмером, видимо, по работе Хаверса); *короб* и *королек* обнаруживают интересные общие контексты: «Взял бы корольки, да *животы* коротки», «рады бы в корольки, да *животы* коротки», ср. пример под сл. *коробья*: «коробью-то с *животом* (приданым) увезут».

Эти контексты указывают и на связь *короба* с ‘имуществом’, и на тему беременности. Ср. «Желаю вам жить да *богатеть* да спереди *коробатеть*» (приветствие новобрачным), при всей прозрачности его этимологии (ср. *коробатиться* 1. ‘коробиться’, 2. ‘толстеть при беременности’), оно, конечно, связано и с темой *прибытка*, *прибыли* (ср. *интересное положение* — от *интерес* ‘прибыль’, и т. п.). В свою очередь, значение ‘имущества, богатства’ связано с обратной темой: *короб* ‘о нищем человеке’, ‘нищенство’ (*свести коробом* ‘обнищать’), то же у ряда производных: *довести до коробки* и т. п., ср. упоминавшееся *коробок* (о хилом животном, антоним *королька*). Трудно сказать, относится ли сюда *королек* ‘фальшивомонетчик’ (известное по рассказу Набокова), но так же трудно не привлечь сюда *коровашица* ‘нищая’ и м. б. *коробичник* ‘разбойник’ («Перва застава — живут мужички... Те станичники, *коробичники*» — интересна здесь, между прочим, и *застава*, характерная не только для былины, но и для свадьбы).

⁶⁹ На фоне «*коробоватой* кички», цитированной несколько выше, важно постоянное в свадебных текстах сочетание *кика белая* (головной убор, знаменующий замужний статус и противопоставленный *красной красоте*).

⁷⁰ А. К. Байбурун, Г. А. Левинтон. *Князь и княгиня* в свадебном величании // Русская филология. IV. Тарту, 1975, с. 74–75. Ср. также *короватик* ‘белый гриб’ и, м. б., *королек* ‘сережка вербы’ (т. е. тоже белая). Неясно: *королек* ‘зрачок’. Ср. это же слово в свадебной частушке: «Мой муж *королек*, / А я ягодка. / Мужа дома нема, / В mine ярманка» (Старинная Севская свадьба. Зап. О. А. Славяниной. М., 1978, с. 104, № [51]).

Особняком стоят слова *корокольчатый* и *корокольчастый* ‘толстый и коряжистый’ (о дубе) или ‘ветвистый, кудрявый’ (в примере — о яблоне). Вполне возможна связь с *королем*, *корольком*, но ближайшее к ним слово *короколистый* (синонимичное *корокольчатый* во втором значении) ‘состоящий из отдельных звеньев’ возвращает к свадебной теме, не само по себе, но иллюстрирующим его примером из свадебной песни: «У моей *благосуженой* Короколисты кресты» (= ‘цепочка, скрепленная крестом’).

К значению *королька* можно привлечь еще и *коронный* ‘тучный’ (от *корм*, **коромный* с ассимиляцией). *Коромина* ‘просторное помещение’, при всей прозрачности ее связи с *хороминой*, объединяется с этими словами не только по признаку ‘величины’, но и в таких параллельных употреблениях (приведенных в словаре под одним словом *коромный* с вопросом к значению): «Проходит во коромное строеньице» (вроде бы явно от *хором*) и «В пуни коромные хлебы кладут» (ср. возможное влияние *скоромного* как ‘сытного’, впрочем, неясно, относится ли прилагательное к последующему или к предыдущему слову). Уже значительно более отдаленно — *кормищик* ‘кормчий’ возвращает к *королю*, а *кормысло* и т. п. — к свадебной тематике. Но *кормищик* отсылает еще к одному важному слову — *корабль* и его диалектным адаптациям. Здесь сразу же находим такие игровые и обрядовые ассоциации, как *катиться кораблем* (с горки по трое в одних санках — ср. выше о катании с гор, ср. также *корабель* в знач. ‘высокая гора’; учитывая наличие среди рассмотренных выше — слов, относившихся к *дубу*, можно было бы заподозрить влияние достаточно известных звуковых комплексов, относящихся к горе и дубу)⁷¹, такой пример, как «Посажу я *жену* шельму я в новенький *кораб*» и т. п., и даже *ходить кораблем* ‘в некоторых религиозных сектах — о религиозных плясках’ (т. е. о радениях), от скопческого *корабль* ‘группа, имеющая своего пророка’. В сущности, это сакрализация лексики, относившейся к *короводу*⁷². С *коробом* последнее слово объединяется сочетанием *узор кораблем* ‘старинный узор кружев (ничего общего с изображением корабля не имеющий)’, ср. *узор коробочками* ‘старинный узор кружев’. Наконец — и здесь нам приходится выйти за пределы СРНГ — *корабль* играет огромную роль в топике свадебных песен (и былин, и сказок о сватовстве), так что в песнях постоянно встречаются не только *корабщики*, упоминаемые в СРНГ с песенными примерами (в том числе таким показательным, как «Пусти, пусти, отец, мати, меня погуляти,/С молодыми корабщичками повидаться»), но и *корабельники*, увозящие невесту (напр., ‘сваты’) и фо-

⁷¹ См. Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров. К семиотическому анализу мифа и ритуала (на белорусском материале) // Sign. Language. Culture, The Hague, 1970; Они же. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.

⁷² Ср. у Ремизова: «Хоровод плыл кораблем» (А. Ремизов. Русалия. Берлин; Пб.; М., 1923, с. 35).

нетически неотличимые от *коробельников* (*корабельщиков* и т. п.), сопровождающих ее с приданым, *коробом*⁷³.

Таким образом, слова, связанные только анафорическим сходством, совершенно поверхностным, весьма различные по происхождению, даже при самом беглом просмотре (без учета, например, вариантов с *-д-* в начальном слоге, типа *корд-/кард-*, и тем более вариантов с префиксами, которые могли бы значительно расширить рассматриваемую группу) обнаруживают определенную семантическую связь, далеко не бессистемную.

[[Видимо, следует специально оговорить, что описываемое явление не имеет никакого отношения к «фоносемантике», «мотивированности языкового знака», «синестезии» и другим подобным явлениям или гипотезам, причем не имеет ни с точки зрения автора, который весьма скептически относится к этим теориям, ни по существу, поскольку это явления совершенно разного типа. Даже если признавать существование «звуковых значений», чем бы при этом ни являлась фоносемантика, она касается «абсолютных» значений фонем (или дифференциальных признаков) и, с другой стороны, отношений между фонемной «оболочкой» слова и его значением, тогда как описываемое здесь явление связано с «относительными» семантическими ассоциациями между «готовыми», *уже существующими* словами⁷⁴, между фонемным составом разных слов и —

⁷³ [[Ср. игровой вариант воплощения той же свадебной тематики: «Был сборщик и водили на “корабель”. Это бесстыдно все говорят. Водили девок. “Была на корабле?” — “Была!”. Этот средится как сборщик. И этима тоже хлестали, из соломы, как веревочки. “С кем-нибудь ебалась?” — “Ебалась” <...> Если не скажешь это, хлещут плеткой. Каку-то шубу шерстью кверху вывернет, шапку оденет» (Святочные игры Камско-вишерского междуречья / Публ. В. А. Альбинского и К. Э. Шумова // Русский эротический фольклор. М., 1995, с. 223–224: Сборщик). Ср. вывернутую шубу как в ряженье, так и в свадьбе. По указанным несколько выше причинам не будем останавливаться на литературных контекстах тех же слов, прежде всего — употреблении слова *короб* в Воронежских стихах Мандельштама (например, роль составных рифм: *короба — рука об руку*, анаграмматические или паронимические повторы: *хорового короба, короб — раб — рабу не быть рабом, рабе не быть рабой*, наконец, *мерзлый деревянный короб*, возможно, отдаленно напоминающий — рядом с *обледенелой водокачкой* — сказку о зайце и лисе с ледяной и лубяной избушкой (АТн 43) и в то же время представляющий собой воронежскую реалию — ср.: Г. А. Левинтон. Город как подтекст (из «реального» комментария к Мандельштаму), с. 736). Напомним и *короб лучевой* в «Спекторском»]].

⁷⁴ [[Раз уже приходится коснуться этой опасной области, часто граничащей со специфически лингвистическими формами безумия и не оставившей равнодушными даже великих лингвистов (ср. следующее примечание), то нужно подчеркнуть, что опасность этих построений многократно возрастает (а способность остаться в пределах здравого рассудка стремительно убывает), когда фоносемантика переносится в область этимологии, т. е. трактуется не как ассоциативное и смутное (синестетическое) восприятие *готовых* слов, а как фактор, определяющий их возникновение. Из последних работ опасную «толерантность» к этим тенденциям демонстрирует статья: А. С. Либман. Фоносемантика и этимология // Язык и речевая деятельность, т. 2, СПб., 1999, с. 94–102. Его стремление обуздать фоносемантику тенетами компаративистики едва ли компенсирует са-

отдельно — между значениями тех же слов⁷⁵. Эти ассоциации возникают в рамках некоторой подсистемы или более широкого словаря, как в диалектных примерах, но всегда определены конкретной лексической парадигмой (и, как правило, проявляются в синтагматических контекстах в виде аллитераций, «паронимической аттракции» и т. п.). Вероятно, это можно назвать парадигматическим аналогом (или коррелятом) тех явлений, которые Якобсон описал как перенос принципа эквивалентности на ось сочетания (семантическая ассоциация рифмующихся слов и т. п.)⁷⁶.

Из маргинальных языковых явлений такую парадигматическую роль анафоры можно сопоставить, скорее, не с синестезией или фоносемантикой, а с так называемыми *tip of tongue phenomena* — перебором фонетически «похожих» слов при припоминании забытого слова, тема довольно широко обсуждавшаяся лингвистами на рубеже 1970–80-х годов. По утверждению некоторых лингвистов, занимавшихся этим явлением, припоминание захватывает прежде всего слова с тем же началом и даже с тем же инициалом, что в принципе может дать основание предположить, что слова в нашей памяти могут располагаться по алфавиту⁷⁷].

мый факт признания за ней способности объяснять этимологию слов (в более мягкой форме эту же претензию можно сформулировать как упрек в неоправданном расширении того, что в действительности составляет очень узкую область «изобразительных» или «иконических» слов)]].

⁷⁵ [[Из «фоносемантических» явлений ближе всего к нашему случаю, как кажется, предложенное Д. Болинджером (D. Bolinger. *Forms of English*. Cambridge, Mass., 1965, p. 198, 207, 217, 245 f. — ранее: *Rhyme, Assonance and Morpheme Analysis* // *Word*, vol. 6, 1950, p. 117–136) понятие *субморфемы*, т. е. сочетания типа *fl-* в английских словах *flip, flap*, а также *flake, flutter, flicker, fling*, etc. (ср. O. Jespersen. *Language — Its Nature, Development and Origin*, London, 1922), которому можно приписать значение ‘движения’; см. еще: M. Bloomfield. *Final Root-Forming Morphemes* // *American Speech*, vol. 28, 1953, p. 158–164; H. Marchande. *Motivation by Linguistic Form* // *Studia Neophilologica*, vol. 29, 1957; Idem. *Phonetic Symbolism in English Word Formation* // *Indogermanische Forschungen*, Bd. 64, S. 146–168, 256–277 — цит. по обзору и обсуждению этой проблемы в: R. Jakobson, L. Waugh. *The Sound Shape of Language*. Bloomington and London, 1979, p. 198–199, 228–230, 235–236. Существенно, что в этой поздней книге позиция Якобсона стала значительно осторожнее, чем в некоторых более ранних работах, посвященных «звуку и значению» — нужно также оговорить, что не все его идеи, связанные с вопросами иконичности, относятся именно к этой опасной области. Краткая, но содержательная и трезвая характеристика этого аспекта фонологии Якобсона и названной его книги дана в очерке Э. Станкевича: E. Stankiewicz. *Roman Jakobson [An Introduction]* // Jan Qiang. *A Roman Jakobson Anthology [In Chinese]*, Peking, 2000, p. XIV, в частности: «Jakobson treats them, in half-mystical way, under the heading of ‘The Spell of Speech Sounds’»].

⁷⁶ [[Иными словами, эти явления в принципе сходны с образованием контекстуального значения в сравнительно сложных случаях или, как чаще говорят, — с семантической модификацией слова в поэтическом тексте, с той разницей, что контекст здесь не синтагматический, а парадигматический]].

⁷⁷ [[Попытки выявить «общую семантическую основу» у слов, «начинающихся с того же самого согласного», были в числе многих лингвистических поисков Хлебнико-

[[Из области явной и неявной свадебной семантики можно привести также слово *поезд* (с обоими возможными ударениями, но в интересующем нас значении чаще на первом слоге, т. е. на префиксе) и его производные (СРНГ, вып. 28, 1994, с. 277 слл.). После бытовых значений (как правило, у слов с накоренным ударением: *поезд*, *поездка*⁷⁸ ‘поездка’, ‘отъезд’, начиная с третьего места, идут ритуальные значения: ‘свадебный поезд’, ‘участники свадьбы’ ‘все гости (или только гости со стороны жениха)’, ‘сваты’, ср. также *поезжане*, *поезжаны*, *поезжанушки*, *поездяне*, *поезжалья*, *поезжань*, *поезжанина* ‘то же’, *поезжан*, *поезжанный* (статья почему-то повторена дважды, второй раз после *поезжачий*), *поезжачий*, *поезжаничик* ‘участник свадебного поезда’ и т. п., *поездины* ‘отъезд’, ‘денежные дары которые кладут на блюдо родители невесты и гости в конце девичника [т. е. перед отъездом]’ и мн. др.⁷⁹ Следующие значения относятся уже к области рыболовства: ‘способ ловли рыбы сетью с двух идущих параллельно лодок’, ‘особая сеть которой ловят рыбу с двух идущих параллельно лодок’ (ср. *поездить* с уд. на 2 или 3 слоге ‘ловить рыбу поездом’ и т. д.), ср. еще *поезжанка* ‘лодка с садком для перевозки живой рыбы’ при *поезжаночка* (Асс. Plur. *поезжаночков*) ‘старшая [sic?] ближайшая подруга невесты’ (определение противоречит примеру, где стоит множ. ч.). И по сфере употребления, и по мотивации вторая и третья группа значений (свадебная и рыболовная) никак между собой не связаны, между тем скрытая связь здесь все-таки возможна, сеть играет определенную роль в свадебном обряде, по крайней мере, в некоторых локальных традициях (например, нижегородской)⁸⁰, более смутные ассоциации могут связывать со свадьбой и лодку (ср. выше о *корабельщиках*), хотя более естественны параллели с похоронным обрядом. Любопытно, что и связи с первой группой, может быть, не сводятся к простой мотивации: *ездить* – *поезд*, разветвленная лексика *богатырской поездки* заставляет вспомнить о былинном богатыре, который во многих случаях яв-

ва (см.: М. Григар. Павел Филонов и вопросы изучения авангардного искусства // Russian Literature, vol. XI–3. 1982, p. 226; R. Jakobson. Retrospect // Selected Writings, vol. I. The Hague, 1962, p. 633)].

⁷⁸ В том числе *богатырская поездка*, *поезд/поездку держать* ‘ездить’, ‘ехать’ ‘направляться куда’, все примеры на эти сочетания и многие из примеров на это первое значение (особенно глагольные) взяты из былин.

⁷⁹ Ср. производные следующего порядка, уже от *поезда* или *поездки*: *поезжанный обед* (после венца), *поезжий стол* ‘место, где происходит угощение перед отъездом к венцу’ и т. п.

⁸⁰ См.: Н.Ф. Сумцов. Символика славянских обрядов. Избранные труды. М., 1996, с. 150 – 151 (с библиографией), Д.К. Зеленин. Обрядовое празднество совершеннолетия девицы у русских // Живая Старина, 1911, вып. 2, с. 241, сказочную параллель см.: Г.А. Левинтон. К статье Д.К. Зеленина “Обрядовое празднество совершеннолетия девицы у русских” // Проблемы славянской этнографии. Сборник статей к 100-летию Д.К. Зеленина. Л., 1979, с. 178.

ляется женихом или сватом (т. е. добывает невесту для себя или для князя), а в других случаях функционально соответствует роли жениха или дружки в сюжете свадьбы]].

IV

В работах В. Н. Топорова о реконструкции заговора и о литовской балладе, как упоминалось выше, демонстрируется действие двух разных порождающих механизмов — нарративного и «словесного», в случае баллады (в которой оба механизма действуют одновременно) его можно назвать, как это и сделано в цитированной работе, «песенным». Это различие принципиально важно для реконструкции⁸¹. Чисто нарративные реконструкции либо проводятся вообще вне рамок генетических (в лингвистическом смысле) методов, либо основываются на сопоставлении имеющихся сюжетных текстов и отдельных важных слов в этих текстах — прежде всего, мифологических имен. Действительно, в текстах, ориентированных на повествование, при прямом сопоставлении их словесного воплощения в дочерних традициях мы можем получить либо реконструкцию сюжета в чистом виде — в некоторой, например, метаязыковой записи — либо отдельные лексические схождения. К последним будут, естественно, относиться (в удачном для реконструкции случае) имена, а также генетически сопоставимые формулы; при этом по функционированию в эпических текстах имя в общем противоположно формуле, т. е. имя — это как раз то, что в формуле варьируется (разумеется, известны формулы, связанные с одним героем, обыгрывающие этимологию, внутреннюю форму или фонетический состав его имени и т. п., но их можно рассматривать собственно как распространение самого имени)⁸². Теоретически это дает нам ряд интересных возможностей, т. к. эквивалентность сюжета имени, слову и формуле — общеизвестна. В последнем случае нужно, видимо, оговорить то, что известные высказывания о метафоре как свернутом мифе или сюжете, вообще говоря, не просто индуктивно верны, но обусловлены самой природой метафоры. Всякое сопоставление (сравнение, параллелизм, метафора и т. п.) непременно соединяет два нетождественных объекта и тем самым медирует какую-то оппозицию, так же как это делает миф, или (пользуясь определением сюжета у

⁸¹ [[Часть следующих далее соображений о реконструкции эпических текстов кратко изложена в нашей работе (в основном посвященной другому аспекту реконструкции): Лексика славянских эпических традиций и проблема реконструкции праславянского текста // Текст: Семантика и структура. М., 1983, с. 152–172]].

⁸² Такими формулами в свое время занимался М. С. Альтман (М. С. Альтман. К семантике собственных имен у Гомера // Из истории докапиталистических формаций. Сб. ст. к 45-летию научной деятельности Н. Я. Марра. М.; Л., 1933, с. 437–474, шире: Он же. Пережитки родового строя в собственных именах у Гомера. Л., 1936), ср. отчасти: Е. М. Мелетинский. Эдда и ранние формы эпоса. М., 1968, с. 72–3, см. также: Г. А. Левинтон. Славянские эпические формулы и былинные имена: Добрыня // Структура текста–81. Тезисы симпозиума. М., 1981, с. 89–92.

Ю. М. Лотмана) подобно сюжетообразующему элементу «пересекает границу семантического поля»⁸³. Самая эта эквивалентность, свертываемость способна, видимо, объяснить существование паремических жанров как некоторого словаря мотивов — более компактного, чем сюжеты, и более внятного, чем лексика⁸⁴. Так как сюжетный текст воплощен в словах, эпический текст реализуется в формулах, то представление о тексте как «монаде, потенциально содержащей все остальные тексты» (Бахтин), может получить достаточно простое объяснение (не снимающее другие, например, перекодировки Леви-Строса — парадигматическое объяснение) — а именно, что эти тексты содержатся в нем в «свернутом» виде (синтагматическое объяснение)⁸⁵. Интереснее то, что всякий текст должен не только содержать в себе все остальные тексты, но и перекодировать сам себя, поскольку в нем присутствуют слова и тропы, свертывающие сам этот сюжет⁸⁶. Безусловно, такую роль играет имя, если оно исконно для данного текста, а не появилось в результате циклизации, хотя и циклизация вряд ли беспорядочна и вряд ли может нарушать основные смысловые соотношения. Применительно к реконструкции это дает нам некоторый критерий для различения формул, обязательно принадлежа-

⁸³ Ср. Ю. М. Лотман. Структура художественного текста. М., 1970, с. 282–289. Хотя есть, конечно, и другого рода примеры такова например в «Одиссее» формула обращения *πάτερ ὦ ξείνε* (θ 408, σ 122–3, υ 198–9) или *ξείνε πάτερ* (θ 145, ρ 553) с которой обращаются, кажется, только к Одиссею, причем как правило она открывает примирительную речь после нанесенного Одиссею (говорящим или кем-то другим) оскорбления (или даже после драки, как с Иром) — в ней, в сущности, сконцентрирован весь сюжет «Телегонии». Жуковский, переводчик «Рустама и Зораба» — другой версии сюжета «бой отца с сыном» — перевел это обращение как *отец иноземец* или *отец чужеземец*. Именно сочетание этих качеств (по отношению к Телегону) и приводит к гибели Одиссея. Существенно при этом, что один из тех, кто обращается так к Одиссею (с извинением за дерзкие слова), — это феакиец Евриал, тезка другого чужеземного сына Одиссея, от Евиппы, убитого им по неведению (и по наущению Пенелопы) в другом варианте сюжета, записанном, например, Парфением.

⁸⁴ [[Ср.: Г. А. Левинтон. К вопросу о «малых» фольклорных жанрах. Их функции, их связь с ритуалом // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. Тезисы симпозиума. М., 1988, ч. 1, с. 148–152; Он же. Замечания о жанровом пространстве русского фольклора // Судьбы традиционной культуры. Сборник статей и материалов памяти Ларисы Ивлевой. СПб., 1998, с. 56–71]].

⁸⁵ Гомеровский пример, приведенный выше, — это случай свертывания сюжета того же самого текста (он относится к будущей судьбе Одиссея). Ограничимся одним примером свертывания иного («чужого») сюжета, а именно словами Марко, обращенными к лесу, в болгарской эпической песне: «Иль довица през тебе минала / и провела девет сирачета, / кое босо, кое гологлаво, / кое гладно, кое вода жадно?» (Български юнашки епос (СБНУ, т. LIII). София, 1970, № 1) — здесь просто описаны вдова с девятью сиротами, не имеющие отношения к сюжету, но сама формула отражает мотив «девять детей вдовы», известный и в болгарской и в русской повествовательной традиции (например, в русской балладе «Девять братьев-разбойников и сестра»).

⁸⁶ [[Об ориентации текста одновременно внутрь и вовне, на себя и на другие тексты ср. наши замечания в: К проблеме эпического подтекста // Фольклор и этнографическая действительность [Сб. ст. к 70-летию Б. Н. Путилова]. СПб., 1992, с. 162–169]].

щих данному тексту, и формул, для него факультативных, но в целом, несмотря на теоретическую привлекательность, это результат недостаточный и далекий от того, чтобы позволить нам представить себе облик конкретного индоевропейского эпического текста.

Интересно, что отношения между реконструкцией и засвидетельствованными текстами можно было бы представить в виде некоторой генеративной схемы, в которой на входе была бы семантическая запись сюжета. Если мы хотим получить, например, из функции *отправки* (в смысле «Морфологии сказки») реальный текст, то, наложив такие ограничения, как язык и жанр, для русской былины мы получим формулу (точнее, эпическую тему) *седлания* и т. п. В болгарском или сербском эпосе она будет сильно отличаться от русской, но важно, что во всех этих случаях здесь будет появляться формульная тема (*locus communis*), т. е. от семантической («морфологической») единицы 'отправка' можно перейти к сравнительно большому фрагменту текста, уже в словесном воплощении. Для каждой дочерней традиции, разумеется, такая процедура будет проще и надежнее для формул как более кратких единиц, чем для целых тем.

Достаточно очевидно, что подобную процедуру можно представить себе для фрагментов многих семантически реконструируемых текстов. Таким конструктом, из которого мы могли бы получить реальные тексты, может служить и инвариантная схема (типа морфологии сказки), и типологический инвариант сюжета в определенной традиции⁸⁷. Такой инвариант можно отодвинуть исторически, т. е. просто приписать ему статус реконструкции, пратекста (в тех случаях, когда это не противоречит очевидности или вероятности), и далее можно описывать его отношения как с дочерними традициями, так и с (предполагаемым) реальным текстом праязыкового состояния. Такая «генеративная» модель отражает процесс порождения текста из семантических блоков или же процесс передачи текста в традиции (что, как мы знаем после Пэрри и Лорда, одно и то же). Поэтому в том случае, когда мы в реконструкции исходим не из лингвистических данных, как, например, в реконструкции основного мифа, а прежде всего из сюжета (сюжетов), то, вероятно, имело бы смысл сначала реконструировать его чисто семантически, в виде метаязыковой символической записи, а затем попытаться представить себе, каким могло бы быть его словесное воплощение в том языковом состоянии, кото-

⁸⁷ См.: Г. А. Левинтон. К проблеме изучения повествовательного фольклора // Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти В. Я. Проппа. М., 1975, с. 303–319. В более общем плане ср. формулировку В. Н. Топорова о возможности сохранения понятия *Ur-type* при перемещении его из генетического контекста в типологический (V. Toporov. Folk Poetry: General Problems // Th. A. Sebeok (ed.). Current Trends in Linguistics, vol. 12: Linguistics and Adjacent Arts and Sciences. The Hague; Paris, 1974, p. 685: «Theoretically the concept of *Ur-type* could be saved if one could construct a system of regular correspondences among the reflexes of some folklore fact (e. g. a plot, group of motifs, chain of functions, etc.) in various traditions»).

рое мы пытаемся реконструировать. В некотором смысле именно это (но на синхронном уровне) и сделал на примере литовской баллады В. Н. Топоров. Описывая ее лексический уровень (прежде всего дистрибуцию лексики), можно закономерным путем дойти до уровня «элементарных образов», но для сюжета используется символическая (семантическая или логическая) запись. Нечто подобное в диахроническом аспекте мы находим и в его совместной с Вяч. Вс. Ивановым работе «К реконструкции праславянского текста» (см. выше).

В такой методике реконструкции существенную роль играет развивающаяся достаточно давно реконструкция праязыковых формул, и здесь хотелось бы остановиться на одной из них, едва ли не лучше всего исследованной, представленной греч. κλέος ἄφθιτον и др. — инд. *śrávah ákṣitam* ‘нетленная слава’. Грегори Надь⁸⁸, специально занимавшийся метрическими контекстами этой формулы и, в частности, ее поведением в гексаметре, отмечает, во-первых, ее положение в конце стиха или перед цезурой, во-вторых, ее автометаописательное значение: *нетленная слава* творится именно данной песней. Кажется, никто не сопоставлял эту формулу с русским *славу поют* — формулой, всегда стоящей в конце стиха и выполняющей ту же функцию: **Тут** ему и славу поют, с точки зрения объяснения Надя, означает не только данный (*тут*) момент сюжета, но и *тут* исполнителя, hic et nunc, «начало координат» речевого акта. Заметна тенденция к появлению формулы в конце текста (ср. м. б. *слава* в конце «Слова о полку Игореве») или по крайней мере эпизода. Здесь проявляется метатекстовый характер, часто присущий рамочным элементам. Об этом писалось немало, упомянем лишь такой фольклорный пример, как так называемая *заклочка* в заговоре, вроде «словам моим ключ и замок» (ср. пример из СРНГ выше), то есть «заговор на заговор», по удачному определению Г. Г. Суперфина⁸⁹. Автометаописательная функция формулы ‘нетленная слава’ или *славу поют* интересна и с точки зрения реконструкции древнейшего эпического индоевропейского жанра как дружинной *славы* (об этом думал, например, Трубецкой). В позднейшей литературе сюда, возможно, примыкает жанровая формулировка *свадебные славы*, примененная Вяч. Ивановым к эпиграммам Сафо (у которой как раз встречается формула ‘нетленная слава’), ср. приводившееся выше чеш. *slavit svatbu*.

Когда же мы переходим к жанру песни, то соотношение сюжета с его словесным воплощением гораздо менее свободно, сюжет в песне достаточно рудиментарен, но в то же время не сводится целиком к отношению между словами, как это, кажется, имеет место в заговоре: т. е. нельзя надеяться восстановить текст из прямого сопоставления конкретных текстов дочерних традиций⁹⁰. Такие соотношения, как описанная выше

⁸⁸ G. Nagy. Comparative Studies in Greek and Indic Meter. Cambridge, Mass., 1974.

⁸⁹ В его неопубликованной работе об инициальном сюжете.

⁹⁰ Как в работе В. Н. Топорова о заговоре — см. выше сноску 6.

«автоматическая» связь слова *желтый* и мотива *реки-границы*, внушает некоторые «генеративистские» надежды, т. е. надежды на применимость процедур, подобных описанной выше или подобных той, которая была применена к литовской балладе⁹¹. Здесь, однако, хотелось бы сказать о другом возможном направлении исследований, предварив это одним песенным примером.

Известный зачин свадебной песни «Во садике то было, виноградице» предполагает как бы отождествление этих двух существительных. Наиболее естественным было бы предположить, что *виноград* вытеснил здесь *вертоград* (такая генетическая интерпретация мало что дает для понимания функционирования слова), или же, оставаясь в синхронии, приписать *винограду* значение ‘вертоград’, ‘сад’ (ср. ст.-сл. *виноградъ* ‘виноградник’ в согласии с предполагаемым источником заимствования типа *Wein-garten*: гот. *weinagards*, д.-в.-н. *wongart(o)* и т. п. ‘виноградник’). Однако более интересным, кажется, было бы предположить, что основы, объединенные в композите, тем не менее, в тексте функционируют более или менее самостоятельно. *Вино* — выступает в связи со свадебным пиром, ритуальным питьем (и далее может фонетически ассоциироваться с *веном*, *венком* и пр.), а *град* действительно выступает в значении, близком к ‘саду’ (ср. зачин «Во *саду* ли в *огороде*», ср. также значение ‘сад’ у тохарск. *A warpi* от основы *warp-* ‘окружать’, ‘обносить стеной’⁹², т. е. *городить*). Это хорошо видно, во-первых, на примерах обыгрывания фонетического состава основы *град* в ее окружениях. Ср.: «**Виноградом** поле сеяно. / Да черносливом **обгорожено**, / Сытовой водою полито <...> / Да поле **горюшком** засеяно, / Да **кручиною обгорожено**»⁹³. Здесь обыгрывается паронимия неродственных слов *кручина* и *крушина*, так что первое в этом контексте сближается по значению с ожидаемым здесь фитонимом, в то время как обычно в свадебных песнях возникает квазиэтимологическое соотношение: существительное *кручина* ~ глагол *кру-*

⁹¹ В. Н. Топоров. К анализу нескольких поэтических текстов... Новшество подхода заключается как раз в том, что рассматривается не просто словарь существительных и, отдельно, прилагательных, но правила их сочетания и распределения. [[Кажется, первым попытки в этом направлении, а именно перечисление существительных, которые могут определяться одним (цветовым) эпитетом, предпринял Потебня, ср., например: «Зелены [в сербских песнях]: река, озеро (“зелена бојана”, “зелено језеро”), меч (“мач зелен”) и сокол <...> (“к нему дође сив-зелен соколе”)]» (А. А. Потебня. О некоторых символах в славянской народной поэзии // А. А. Потебня. Собрание трудов. Символ и миф в народной культуре. М., 2000, с. 28; ссылки на источники опускаю, все примеры взяты Потебней из Караджича)].

⁹² См. Вяч. Вс. Иванов. Тохарская параллель к славянским уменьшительным формам // IV Международный съезд славистов. Славянская филология. Сб. статей. М., 1958, т. II, с. 59.

⁹³ И. Е. Карлунин. О поэтическом содержании русских величальных песен (по записям 1959–1969 гг.) // Проблемы художественного метода в русской литературе. М., 1973, с. 133.

*шиться*⁹⁴. Ср. еще свадебные чины: *гордые, гордые, горные гости*. Показательна та же игра в календарной песне, приводимой В. Ф. Миллером: «Среди сильна царства Российского, / **Виноградье красно** зеленое, / Среди **кремля, красна города, / Виноградье красно** зеленое <...> Белокаменная палата **грановитая, / Грановитая палата государева, / Еще крыта палата <...>**»⁹⁵. Ср. зачин песни из нашего корпуса: «Круг Казани, *круг городу*» (№ 9). Во-вторых, как это часто бывает с русским материалом, подтверждение можно найти в финском заимствовании. Зачин ижорской песни выглядит так:

Satul' moi, satu, selenoi satu,
läpi uuven kuuven linnan.
'Сад ли мой, сад, зеленый сад,
Через новых шесть городов'⁹⁶.

Так как первая строчка явно представляет собой заимствование русского песенного зачина, то появление во втором стихе слова 'город' (но

⁹⁴ Ср. из литературных примеров — у Вяч. Иванова в переводе оды Сафо к Афродите: «Сердце не *круши* мне тоской *кручиной*». В нашем корпусе текстов: *сердце крушится* (№ 11). [[ср. еще — тоже в «любовном» контексте: «Лишившись меня, будет ли он *крушиться* или нет <...> не только *крушиться*, но и в гроб сойти уже готовился» (М. Чулков. Пригожая повариха или Похождение развратной женщины [1770]. СПб., 1992, с. 37–38), «Что *крушиться* мне о той, где надежды нету» (Третьяковский, 1735), «Я прошу его не плакать, не *крушиться*» (Карамзин. «Наталья — Боярская дочь», 1792) — и в фольклорном у Радищева («Путешествие из Петербурга в Москву»): «Некрушися, моя матушка родимая» (все примеры, кроме первого, из: Словарь русского языка XVIII века, вып. 11, СПб., 2000, с. 51). Старшие памятники (во всяком случае, по Срезневскому) вообще не знают этого глагола, а сущ. *кручина* — только в значении 'желчь', 'болезнь' и (в производных) 'гнев'. Среди примеров Даля п. сл. *крушить*, для свадебной и песенной тематики мало показательных (в отличие от исключительно фольклорных иллюстраций к *кручине*), жаль было бы не отметить: «*сухая любовь* (платоническая) *только крушит*». В СРНГ, напротив, находим определение, прямо относящееся к этой сфере и подтверждающее ассоциации и сближение этих слов: «**Кручинный** <...> 1. *Фольк*. Относящийся к свадебному обряду [далее следуют примеры нескольких обрядовых терминов] <...> 2. Траурный (об одежде) <...> **крушевный** <...> *Фольк*. Горестный, к р у ч и н н ы й» (разрядка моя. — Г. Л.). Далее в более широком словарном контексте возникают разносторонние связи с основами *крут-* (*крутой, круча*) и *крут-* (*крутить, крученный*), образующие не менее богатое поле, чем описанные выше *короб, корабль* и т. д. Об основе *крут-* в свадьбе и в календарных обрядах см. Г. А. Левинтон. Из лингвистических комментариев к славянскому обрядовому тексту // Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста. М., 1977, с. 333–334; Л. [М.] Ивлева. Рыженье в русской традиционной культуре. СПб., 1994, с. 45–46]].

⁹⁵ В. Ф. Миллер. Былины и исторические песни в качестве обрядовых // В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. III. М.; Л., 1924, с. 349. Интересно, что упоминавшийся выше *Казань-город* в коми заимствованиях становится *Казань-горой* (см.: А. К. Микушев. Эпические формы коми фольклора. Л., 1973, с. 219).

⁹⁶ Народные песни Ингерманландии / Изд. подг. Э. Киуру, Т. Коски, Э. Кюльмясу. Л., 1974, № 94, с. 113 (текст), 326 (перевод).

уже не в виде русского заимствования) заставляет думать, что русским источником был какой-то текст, вроде: «в садике... в виноградице» или «во саду ли, в огороде», и первый компонент был заимствован (в оригинале) ижорской песней, а второй калькирован. Этой гипотезе не противоречит и та естественная возможность, что 'город' имел место уже в исконном ижорском тексте, к которому был впоследствии присоединен русский зачин, поскольку само присоединение этого зачина могло быть обусловлено именно наличием сходных (семантически) элементов в зачинах предполагаемой русской и ижорской песни.

Для возможных реконструкций существенно то, что такая ситуация находит себе близкую аналогию в болгарской свадебной песне: «Изви се лоза **винова**/околу **граде Крушева**»⁹⁷. В цитированной выше русской песне видим игру на тех же созвучиях: *горе* и *кручина* (*крушина*); важно отметить и предлог *околу*, ср. в хороводных песнях с брачными мотивами зачины типа «ходит царевич **круг городу**» (и цитированный выше свадебный зачин: «Круг Казани, круг города»), при *круге* как основной форме хоровода (в южнославянских языках *коло*, ср. у Мандельштама: «Я около Кольцова, как сокол закольцован»). См. также выше о связи *хоровода* и *короля* (*королька*), ср. в белорусской колядке: «Цареў, каралеў / Кала горада ходит / Нявест выбираить» или «Круг горяда цареўнага / Младой кароль гуляить / Каралеўну выбираить».

Сходный пример находим и в сербской (эпической) песне⁹⁸:

Vijala se **vinoloza vinova**
oko ednog b'jela **grada** Budima,
vijala se **vinoloza vinova**.
To ne bila **vinoloza vinova**,
već to bilo **dvoje mladi' i dragi'**

⁹⁷ М. Арнаутов. Вековно наследство... с. 622. Отметим возможную этимологическую фигуру *изви* <...> *винова*, если *вино* в слав. языках непосредственно связано с *вить*. Ср. далее в той же песне: *чиста се свила не најде*.

⁹⁸ Ljuba Simić. Pjesme Jajačkog sreza // Bilten instituta za proučvanje folklor. Sarajevo. 2. 1953, str. 146, No. 138. Более классический пример: «Иди, брате, дворе бијеломе / А ја идем моме **винограду** / **Винограду** моме **рукосаду** / Да погледам мога **рукосада**. / <...> Од' Илија двору бијеломе, / Стојан оде своме **винограду**; / <...> Нађе мајку у свом **винограду**. / Косу реше остарила мајка, / Косу реше, па **виноград** веше / А сузама **лозицу залива** / <...> Зар ты немаш некога млађера / Да тебе ка **виноград уради**...» (Вук Ст. Караџић. Српске народне пјесме. Књ. III. У Бечу, 1846, № 25). Русские переводы «Плена Янковича Стояна», где сохраняются некоторые из отмеченных особенностей, см.: Сербский эпос / Сост. и комм. Н. И. Кравцова, М., 1960, т. 2, с. 253 («Ты в свой белый двор ступай скорее, / Я ж пойду скорее к винограду, / К винограду к зеленому саду, / Погляжу я на свой виноградник» и т. д. — пер. Д. Самойлова) и: Сербский эпос / Ред., исслед. и комм. Н. Кравцова. [М.] Academia, 1933, № 68, с. 563–564. Здесь же см. пословицу (№ 1, с. 208, 209, комм. — с. 585) *Ни о граде, ни о винограде* 'ни из-за чего', 'о пустяках', оригинал см. Вук Ст. Караџић. Српске народне пјесме. Књ. II, У Бечу, 1875, № 7, с. 22: *Не о граде, ни о винограде*, с. 24: *Ни о граде, ни о винограде*.

<...> Na rastanku jedno *drugom* govori:
 “Hajde, *dragi*, *kroz* tu *goru zelenu*...

Такое сходство, в отличие от излюбленных фольклористами миграций сюжетов лирических песен, коренится в языке и должно рассматриваться как генетическое. Иными словами, наиболее плодотворным путем реконструкции песен было бы сравнение не песенных текстов, а лексических систем такого репертуара, как, например, свадебный, исследование поведения отдельных слов и морфем в текстах и аналогий в этом отношении между родственными языками. Поскольку при этом правила сочетаемости слов если не просты, то безусловно обозримы, а композиционные схемы в общем даже достаточно просты⁹⁹, то можно надеяться, что от реконструкции лексики песенного репертуара можно будет перейти к реконструкции самих песенных текстов или моделей их порождения (в частности, через сравнение последних в живых традициях).

[[Эта тема была впоследствии продолжена, материалы по словам *виноград*, *вертоград* я собираю до сих пор (в конце 1970-х годов был прочитан один доклад на эту тему — в Тарту). Названные слова интересны во многих отношениях, так корень **vin-* и на праславянском, и на индоевропейском уровне вызывает одинаковые сомнения: он может быть исконным, связанным с глаголом типа **viti*, а может быть заимствованием, в первом случае латинским (хотя для *винограда* называют германские источники), во втором — скорее всего семитским, хотя возможно, конечно, и исконное родство семитского слова с индоевропейским в рамках ностратического единства. Внутри славянских языков слово обнаруживает очень странные словообразовательные особенности, так что производные формы систематически оказываются семантически тождественными непроизводным, ср. сербск *врт*, *верт* ‘сад’, ст.-сл. *вѣрть*, *вѣрть*, *вѣрть* ‘сад’ *вѣртьль* ‘сад’, *вѣртоградъ*, *вертоградъ*, *врьтоградъ* ‘сад’; ю.-сл. *вино* ‘виноград’, др.-рус. *вино* ‘то же’, ст.-сл. *виноград* ‘виноградник’, рус. *виноградник* (а с другой стороны, возможно распространение за счет присоединения другой, но фонетически сходной основы, как в пол. *winogrono* ‘виноградная гроздь’, ‘виноград’ при *wino* ‘вино’, разг. ‘виноград’, *winograd* устар. ‘виноград’). Наконец, замечательна вполне очевидная в приведенных примерах тенденция или способность соответствующих корней ассимилировать себе фонетическую структуру окружающего текста¹⁰⁰: вокруг *вина* и *винограда* скапливаются *города* (и

⁹⁹ [[На свадебном материале их предварительный очерк был сделан в нашей работе о песнях в записях Лучникова, классический анализ см.: Б. М. Соколов. Эскурсы в область поэтики русского фольклора (см. выше, сн. 15), с. 38–53]].

¹⁰⁰ [[А отчасти и семантическую: города легко заменяются топонимами — именами городов, часто появляются слова *дерево*, *роза* (*розан*), цветообозначения *красный* и *зеленый* — за этим, конечно, легко усмотреть влияние фольклорных формул: *виноградъе красно-зеленое* и *розан мой алый*, *виноград зеленый*, наконец, *зелено вино*, но их устойчивость и частота этих признаков намного превышают обычные случаи]].

горы), грады, ограды¹⁰¹, дороги, други и другие, вплоть до союза *который*. Разумеется, это явление, само по себе в высшей степени интересное, должно ослаблять диагностичность этого слова с точки зрения реконструкции, тем не менее, за отсутствием таких данных по другим славянским языкам, рискну все же предположить, что отмеченные выше совпадения обусловлены именно генетически общими контекстами, а не позднейшими параллельными тенденциями поведения этих слов в тексте]].

Список сокращений

- ВЯ — Вопросы языкознания. Москва
 СБНУ — Сборник за народни умотворения и народопис. София
 СРНГ — Словарь русских народных говоров (вып. 14, Л., 1978)
 ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы АН СССР (Пушкинский дом)
 IJSLP — International Journal of Slavic Linguistics and Poetics (The Hague, Lisse, Netherlands, Columbus, Ohio)

¹⁰¹ [[Сюда же, далее, примыкают, конечно, и такие примеры, как «Блаженство сел, *градов ограда*» у Ломоносова, удивительным образом напоминающий каламбур из «Слова о полку Игореве», с которым он никак не может быть генетически связан (по крайней мере, непосредственно): «Страны ради, гради весели», где паронимия *радости* и наполненных ею *градов* (в духе «Linguistics and Poetics» Якобсона) соединяет слова, синтаксически не связанные, тогда как сказуемое *градов — весели* каламбурно имплицитно сразу два антонима (с современной точки зрения) своего подлежащего: *веси (всьи)* и *села* — оба слова, склонные к таким каламбурам, ср., с одной стороны: *проходяше Ии<су>с грады вься и вьси* (Мф. 9:35, по Срезневскому — п. сл. *вьсь*, ср. там же и другие примеры) и, с другой стороны, замечание Потебни: «Недаром *село*, конечно, в новом смысле, сопоставляется с *весело*». (А. А. Потебня. К истории звуков русского языка. IV. Варшава, 1883, с. 48, заметка 1: *Село, деревня и т. п.* (к истории быта)), к этому сделана сноска на полстраницы из украинских и сербских примеров вроде: «Будь село весело! / Подарунки несемо / Від пана молодого / До пані молодій» (Свад. п. <есня, > зап<адная>. ч<ась>. Подоль<ской> г<убернии>); «И тут село и там село, / <...> Чо-муть мені невесело. / Тільки мені веселенько, / Де моє серденько» <...> «Виче вила с високих планинах; / Што се оно село невесели? / Како ће се село веселити, / Как умире млади Радојица?» <...> «Нек не чује све село, / Да смо здраво и весело» и т. д.]].